

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ ВО ЛЖИ?

18+

ИСХОД

КЕЙТ СТЮАРТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Кейт Стюарт

Исход

Серия «Бестселлеры Кейт
Стюарт. Братство ворона»

Серия «Братство ворона», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68404900

Исход: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-139020-4

Аннотация

Можно ли жить во лжи?

Этот город-призрак – место, которое меня преследовало, которое меня создало.

Мне стало совершенно ясно, что я никогда не перерасту Трипл-Фоллс и не забуду того, что здесь испытала.

Я до сих пор чувствую их всех – моих ребят с того лета.

Даже осознавая опасность, я охотно сдалась.

Не вняла ни одному предостережению. Позволила своей болезни, своей любви, управлять мной и губить. Я играла свою роль, прекрасно все понимая и искушая судьбу, пока она не сделала свое дело.

И даже не подумывала сбежать.

Мы все виновны в случившемся и отбываем наказание. Мы вели себя безответственно и легкомысленно, думая, что наша юность делает нас несокрушимыми, освобождает от бремени наших грехов. И заплатились за это.

Мне осточертело притворяться, что я не оставила свою душу между этими холмами и долинами, в лесной чаще, хранящей мои секреты.

Поэтому я вернулась. Чтобы примириться со своей судьбой.

Если мне не удастся достаточно оплакать свое прошлое и излечиться, я продолжу болеть и дальше. Таковым станет мое проклятие.

Но настало время признаться – больше даже себе, чем другим, – что я сама отказалась от будущего из-за того, какой стала, и из-за мужчин, которые этому поспособствовали.

Сейчас я просто хочу примириться со своей сущностью и забыть о финале, который меня ждет.

Потому что больше не могу жить во лжи.

Содержание

Часть вторая. Прошлое	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	68
Глава 6	88
Глава 7	98
Глава 8	105
Глава 9	119
Глава 10	127
Глава 11	134
Глава 12	153
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Кейт Стюарт

Исход

Kate Stewart

Exodus

Copyright © 2020 by Kate Stewart

© Cover design by Okay Creations

© Конова Варвара, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть вторая. Прошлое

Глава 1

Выходит, Француз – это ты.

В ответ он слегка опускает голову. Меня обжигает враждебный взгляд, в котором читается презрение.

– Ты не могла бы не называть меня так? – В каждом его слове слышится сильный акцент, подтверждающий то, что я и так о нем знаю.

Доминик редко говорил – если вообще говорил – по-французски, что и вызвало у меня подозрения касаясь его прозвища. Но оно очень подходит стоящему напротив мужчине и окружающей его ауре.

Я внимательно оглядываю мужчину и вижу, как по виску стекает капелька пота. Стоит похвалить портного, который пошил для него костюм, достойный короля. Он идеально сидит на нем, подчеркивая мужественность. Его лицо искажено гневом, но от красоты становится трудно подобрать слова, а во рту пересыхает. Несомненно, он самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Ошеломленная, ничего не могу с собой поделать, замороженно любясь густыми, черными как смоль волосами, зачесанными назад. Без-

упречность лица подчеркивает четкий контур челюсти. Под густыми изогнутыми бровями – от природы черные длинные ресницы, обрамляющие оранжево-желтое пламя в глазах. Властный профиль дополнен широким длинным носом, крылья которого раздуваются от гнева. Рот – еще одно доказательство того, что создатель не торопился во время создания его внешности; пухлые губы являют собой симметричное совершенство. Но волнами исходящий от него гнев вынуждает меня сражаться за остатки разума, который померк с его внезапным появлением.

Он – дьявол в костюме от Армани, с которым я никогда не должна была встретиться.

И угроза для меня.

Схватив со столика пульт, я с силой нажимаю кнопку регулировки громкости и в поисках верха от купальника бормочу себе под нос:

– Я не... не знала, что придешь ты. Я н-не знала, что ты вообще существуешь.

– Ты и не должна была. – Его едкое замечание как кислота, которую он заливает мне в глотку, отчего становится трудно дышать.

Из тебя отвратительная сирена, Сесилия.

Я бросаю взгляд на помост в безуспешных поисках топа, а затем скрещиваю руки на груди, чувствуя, как от унижения горит лицо.

– Тогда для чего было утруждаться и заявлять о своем су-

ществовании сейчас?

– По всей видимости, ничего нельзя сделать, чтобы эти два кретина не начали думать членом вместо мозгов. – Его губы раздвигаются, обнажая зубы. Я вижу острые клыки. Он... рычит?

– Из-за врага? – Я качаю головой. – Я тебе не враг.

Мужчина клацает зубами. Его взгляд полон осуждения.

– Нет, ты не враг. Просто извлекаешь выгоду из грязных денегат своего папаша.

– О, как отратно видеть отвращение в твоих глазах. Я уж было заволновалась, что ты пришел с другими намерениями.

– Я не трахаюсь с малолетками, – акцент подчеркивает его укор. – И я прекрасно знаю, что ты трахалась с моими парнями.

Его слова жалят, но я не показываю этого.

– Только с двумя. И судя по тому, что я вижу, тебе бы тоже не помешало извлечь выгоду из этого небольшого отступления от намеченного плана. Ты ужасно напряжен.

Мужчина раздраженно засовывает руки в карманы брюк.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Мне нужны ответы. Я *хочу* знать, что моему отцу ничего не угрожает.

– Я не могу этого гарантировать.

– Но ты не станешь ему вредить?

От его раздумий у меня волосы встают дыбом.

– Не физически. Но да, во всех остальных смыслах.

– А мне?

– Это не имеет к тебе отношения.

– Теперь имеет.

– Нет. Я об этом позаботился. – От его самодовольного ответа меня осеняет.

– Это из-за тебя... это *ты* заставил их меня сплавить.

В голове быстро вертятся шестеренки, когда я вспоминаю слова Дома, сказанные им несколько дней назад.

«Мы пытались донести свою позицию, но не смогли».

Кто-то с собрания доложил ему, что я здесь. Потому что стоящий напротив мужчина – тот, перед кем Шон и Доминик отчитываются.

Между нами повисает молчание, прежде чем враждебно настроенный незнакомец заговаривает:

– Ты не должна была сюда приезжать.

– Ты знал обо мне. Вы все обо мне знали.

Ну разумеется. Самое главное правило: знай своего врага и его слабости. Но для них я была девчонкой, которая жила далеко и не представляла опасности для их планов. Еще одна причина, почему Шон сомневался, стоит ли брать меня с собой.

– А ты, собственно, кто такой?

Тишина.

– Зачем заявился сюда *сейчас* и говоришь со мной?

Он продолжает хранить молчание, пока я все обдумываю.

«Кое-кто не смог сохранить секрет».

Кто-то из людей доложил о моем приезде – вот и причина, по которой Шон с Домиником так поступили. В ночь, когда парни устроили мне травлю, они старались через приглашенных в гараж отправить сообщение смотрящему на меня мужчине.

Щелк. Щелк. Щелк.

– Вот почему я была секретом, – шепчу я. – Ты не знал, что я приеду. Ты знал, что мы с Романом не общаемся. – В его глазах появляется огонь, а мои губы расплываются в самодовольной улыбке.

Теперь ясно, почему он так зол.

– Ты даже не подозревал о моем приезде, потому что я приняла решение в последнюю минуту. Они меня спрятали от тебя, и я осталась незамеченной. – Чувствую подступающее волнение. – Тебе известно не все. Каково это?

Мужчина угрожающе делает шаг вперед.

– Ты ни черта не понимаешь, так что прекращай прикидываться крутой девчонкой и веди себя *серьезно*, потому что я даю тебе всего две минуты.

Я так и делаю. Отбрасываю притворство, потому что сражаюсь не только за свою гордость.

– Я вовсе не такая сука, какой ты меня считаешь.

– Мое мнение о тебе не важно.

– А я думаю, важно. Очень важно. Ведь ты не подпускаешь меня к моим...

– Сесилия, найди других парней для постельных утех. –

Его пухлые губы произносят мое имя с отвращением. Он считает меня угрозой, занозой в его зверской заднице и, скорее всего, поломкой в идеально слаженном механизме. Но я осталась незамеченной, поскольку не приезжала сюда восемь лет, к тому же Шон с Домиником умело скрыли меня от него.

И я не могу побороть дрожь, которая пробегает по телу при этой мысли.

– Ты можешь ненавидеть его, можешь ненавидеть моего отца, но сейчас ведешь себя в точности как он. Как двинутый на контроле человек с манией величия, лишенный сострадания.

Он смотрит на меня с яростью.

– Следи за языком.

– А то что?

Возвышаясь надо мной, он бросает предупреждающий взгляд.

– Не советую меня злить.

– А сейчас ты не злишься? И кем ты себя, черт подери, возомнил? По какому праву говоришь мне такое? Может, у тебя на руках больше карт, но ты недооцениваешь меня. Если хочешь от меня лояльности и молчания, в твоих же интересах играть по правилам.

Мужчина не отвечает, но в его поведении чувствуется резкая перемена, и ее достаточно.

А вот это я зря сказала. Теперь, когда я произнесла эти слова, мне вообще нельзя доверять. Я предала Шона и До-

миника, сыграв на руку этому говнюку. Он пытается во всем найти слабые места, извратить ситуацию, доказать им, что они совершили ошибку, доверившись мне. Доминик был бы очень разочарован.

В голове прозвучала фраза Доминика, сказанная Шону, когда я в бешенстве вылетела из их дома.

«*Она недостаточно сильна.*»

«*Дай ей немного времени.*»

Испытания, которым они меня подвергли. Приводящие в бешенство перепалки между мной и Домиником. Все это время Шон обучал меня тому, во что верил сам, во что верило Братство, а Доминик провоцировал и искажал мои слова. Решив допустить к своей тайне, они готовили меня к подобному противостоянию. Все их действия были связаны со стоящим напротив мужчиной. Пока мы скрывались, они готовили меня к неприятностям под названием Француз. Его возвращение было неизбежным.

– Я умею хранить секреты. Мне просто нужно знать план.

– Тебе не будет отведена во всем этом роль только потому, что ты оказалась здесь. *Они* приняли неверное решение и знают об этом. Ты трахалась с ними, но это не дает тебе права голоса. К тому же я и так знаю, что ты никому не расскажешь, – с уверенностью заявляет он. – Но из собственных заблуждений.

– Каких еще заблуждений?

– Из-за твоей верности им. – Он кивает в сторону леса. –

И неумения отделить личные чувства от дела вместо того, чтобы примириться с мыслью, что Роман совершил непростительные поступки и заслуживает наказания. Так что просто забудь, как забыли *они*, и... живи своей жизнью.

– Это приказ?

– Нет, это совет, – огрызается он, – который тебе следует принять во внимание.

Мне удалось вывести его из себя, что можно было бы считать хорошим знаком, не будь я в его власти.

– Я просто хочу с ними увидеться.

– Об этом и не мечтай.

– Я не папенькина дочка, которая разозлилась из-за того, что потеряла парней, с которыми спала. Поговори с ними. Они расскажут обо мне. Они поручатся за мою порядочность.

Он окидывает меня брезгливым взглядом.

– Я и без того достаточно знаю.

Я опускаю руки, назло ему открывая свое нагое тело. Не позволю ему стыдить меня за то, о чем он не знает, или чувствовать неловкость, от которой избавлялась все лето. Мои усилия остаются незамеченными, поскольку его взгляд прикован к моему. Мы смотрим друг на друга, стоя по разные стороны баррикады, которую он между нами возвел.

– Ты действительно так поступишь?

– Мы живем в разных реальностях, и ты родилась в своем мире. Если ты обо всем забудешь, я не буду иметь к те-

бе претензий. Сесилия, для тебя невежество поистине благодать. Будет полезно, если ты это запомнишь.

– Даже если мы с отцом отделились друг от друга, я не хочу, чтобы он пострадал. Если ты поручишься за его безопасность, я смогу тебе помочь.

– Я не раздаю обещаний. У него полно врагов, которые не имеют ничего общего с нами. Это бизнес.

– Не для меня.

– Это твоя проблема.

– Так что, черт возьми, мне делать?

Проигнорировав меня, мужчина разворачивается в сторону леса.

– Сходи на маникюр.

Негодую, тянусь за первым попавшимся предметом, и им оказывается бутылочка с лосьоном, которую я в него швыряю и попадаю прямо в спину. Он резко поворачивается ко мне, я взвизгиваю, пятаюсь назад к креслу, и приземляюсь на задницу. Мужчина рывком поднимает меня за руку. Происходящее между нами не химия – это раскаленное пламя, полное ненависти, обиды и затаенной злобы, которые никак со мной не связаны. Этот человек ни на что не намекает. Он презирает сам факт моего существования.

– Еще раз так сделаешь, церемониться не стану. – Под его янтарного цвета взглядом в груди пылает пожар, мужчина сжимает мою руку. Еле сдерживаюсь, чтобы не захныкать.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, но ты совершаешь ошиб-

ку. Ты вел войну за людей вроде меня. Вроде моей матери. *Помимо прочего*, Шон и Доминик – мои друзья, я хочу им помочь. Они были тебе верны. Ты можешь ненавидеть Романа, но я тут ни при чем. Я ничего не знала. До сих пор не знаю.

– Ты *была* ни при чем, но это изменится, если продолжишь напирать. Ты слишком легкая добыча. – Его оскорбление задевает за живое, он сыплет соль на еще незажившие раны. – Ты слишком юна и наивна. Верила всему, что они тебе говорили, но теперь настала пора признать, что они получили от тебя все, что им было нужно.

Доступ. Я была способом получить доступ. Внутри все переворачивается, когда я вспоминаю, как Шон вернулся после нашей ссоры с извинением. Вслед за Шоном, пока он меня отвлекал, в дом вошел Доминик. Возможно, я дура, но...

– Я не шлюха!

– Ты убеждаешь свою совесть, не мою.

Но после того дня все изменилось. Возможно, до него я была целью, но после стала выбором. Они впустили меня в свой мир, потому что сами этого захотели. В этом я уверена. Шон сам в этом признался. Он рисковал всем. Спал со мной, хотя это все равно что спать с врагом, посвятил меня в тайны, привязав к ним, и оставался со мной, рискуя доверием и местом в Братстве.

Если мне до сих пор не хватало доказательств их чувств, то теперь их достаточно.

– Они дороги мне. *Очень*. Просто позволь мне принять

участие.

– Если это правда, перестань быть такой конченной эгоисткой. Они тебя отпустили, ты должна повзрослеть и сделать то же самое.

– У тебя не получится нас разлучить!

– Ты прекрасно знаешь, что это не так. Тебе перестанут открывать двери. Никто с тобой не заговорит. Сейчас, с этой минуты... тебя больше не существует. И никогда не существовало.

Меня колотит от гнева, когда я выплевываю слова:

– Да пошел ты, сукин сын, доморощенный Робин Гуд из сраного захолустья! – Я вырываю руку, и он меня отпускает. – Проваливай к чертовой матери!

Мужчина отступает, засунув руки в карманы брюк. Его глаза горят ярким пламенем, а голос отдает холодом.

– Именно по этой причине я не хочу, чтобы ты была рядом с нами.

Я поднимаю руку.

– Умоляю, ты хочешь изгнать меня из племени, воспользовавшись в качестве предлога моими критическими днями? Ты и твоя компашка народных мстителей должны быть благодетелями всего человечества, не так ли? А мы должны быть благодарны вашей группе мудаков? – Я фыркаю. – Что ж, позволь поблагодарить тебя от лица хищников, вооруженных вагинами. – Я делаю реверанс. – *Огромное* спасибо, но повторю еще раз: я тебе не враг.

Я вздергиваю подбородок.

– Они доверяли мне, потому что знали, мне по силам с этим справиться. Они в этом убедились. Они доверяли мне, потому что я люблю их, и знали, что я всегда их прикрою. Пренебрегай этим сколько хочешь, но любовь подтверждает мою преданность и помогает мне защищать их любой ценой, как они защищают меня. *И тебя.*

От моего признания на его лице появляется что-то похожее на одобрение, но быстро исчезает.

– Ты не должна была быть в этом замешана.

– Но теперь я здесь, так позволь мне сыграть свою роль.

– Две минуты истекли. – Он поворачивается и идет к лесу. Я повышаю голос, зная, что никакими ухищрениями его внимание уже не вернуть.

– Я правда их люблю. Возможно, они облажались, но меня привлекла их преданность тебе и твоему делу, всему, за что вы сообща боретесь. Они не рассчитывали, что полюбят меня, изначально желая использовать в своих целях, но я стою здесь и сражаюсь за то, чтобы быть рядом с ними, как раз потому, что им не удалось меня обмануть. Я злюсь на них, но понимаю. Они заставили меня понять. И, может быть, это дело никак со мной не было связано, но теперь оно имеет ко мне самое непосредственное отношение. Пожалуйста. Позволь. Мне. Помочь.

Я вытираю слезы слабости и смотрю на него. Этот величавый и жестокий мужчина значительно превосходит все, с чем

я ожидала сегодня столкнуться. Я надеялась увидеть свое золотое солнце или темное облако. Мысль, что я больше никогда их не увижу, невыносима. Я умоляю, но мне не следует этого делать. Я должна собрать вещи, навсегда попрощаться с этим городом и уехать. К черту отца и его деньги. Мы не близки, и я могу найти иной, более безопасный способ позаботиться о матери. Но стоит этой идее прийти мне в голову, как перед глазами встают Шон и Доминик, а страх перед неизвестностью парализует меня. Я не могу заставить себя уехать. Пока нет.

– Я верю во все, что вы делаете, во все, за что сражаетесь. Я хочу быть частью этого. – Это правда, но, боюсь, я заговорила слишком поздно.

Повернувшись спиной, он вытаскивает из кармана мой топ и кидает его на помост.

– Я подумаю над этим.

Глава 2

Его решение подтверждают первые признаки осенней прохлады. И ответом служит молчание, которое всегда означает одно – нет.

Прошло всего несколько недель после моего конфликта с враждебно настроенным незнакомцем, но именно свежий морозный воздух служит сигналом, что все кончено. Больше никаких встреч под летним ночным небом с Домом, никаких длительных походов с Шоном. Моя любовь, привязанность, верность и преданность ничего не значат.

Конец сезона знаменует финал всему, к чему я успела привязаться за время своего проживания в Трипл-Фоллс. Прошло немногим более трех месяцев, а я уже чувствую изменения в себе и своем характере. Я уже не та любопытная девчонка, которая приехала сюда в начале лета.

Моя реальность меняется так же быстро, как окружающая меня листва в разнообразии коричневых, ярко-красных и золотистых оттенков. И в нынешнем состоянии я не в силах оценить ее красоту – только посыл.

Лето не вечно.

Все кончено.

На этой неделе я начала учебу в местном колледже и с головой ушла в занятия. Теперь, когда Шон уволился, смены на заводе изматывали еще сильнее. Он уволился после того,

как оставил меня в том кабинете.

Всего раз я поддалась любопытству и прошла по заросшему травой заднему двору Романа на лесистую поляну, где была встречена полной тишиной. Скамейки для пикника исчезли, и поляна быстро заросла травой. Словно ничего не было. Если не считать выросшей травы и шелеста листьев, признаки жизни отсутствовали.

Загар сошел, а еще я потеряла в весе. Тело иссохло, как и мое увядшее сердце, которое жило лишь воспоминаниями о прошедших месяцах – месяцах, когда улыбки при встрече не казались обязательством.

Порой облегчение мне приносят сны. Сны о долгих прогулках в тумане, о пылких взглядах, грозах и пленяющих поцелуях. Пробуждаясь, я чувствую, как ноет мое тело, болит, скорбит.

Неожиданно, но меня поддерживала Мелинда во время нескончаемых смен, посвящая в новости Трипл-Фоллс, но старательно избегая разговоров о тех, про кого хотелось услышать больше всего.

Да и вряд ли ей было что-то известно.

Шон сказал, что все исправит, но предлогом прозвучало «однажды».

Однажды.

Термин такой расплывчатый, такой вольный в трактовке, что каждый день казался наказанием.

С каждым днем я все яснее понимаю, что мне дали не обе-

щание и не клятву, а скорее надежду.

Причина моего разбитого сердца – два фантома, которые преследуют меня во снах. Я выполнила просьбу Шона. Ни разу не ездила в гараж, ни разу не пыталась написать им. Ни к чему. Они приняли решение и объявили о своей верности. Наше лето ничего для них не значило. Я ничего для них не значила, раз не смогла изменить их план.

Во всяком случае, их молчание заставляет меня чувствовать себя именно так.

Кристи не дает мне сойти с ума долгими разговорами по «Фейстайму». О наших планах и намерениях через год воплотить их в жизнь. Такая перспектива немного меня утешает. Это должно было стать всего лишь конечной точкой, а в итоге оказалось отправным моментом, вот только сейчас мне некуда приземлиться безопасно для самой себя.

Чем дольше они хранят молчание, тем сильнее разбивается мое сердце.

Я словно во сне проживаю каждый день, стараясь делать, что могу, но каждый шаг, каждое тиканье часов тянет меня на дно, как валун на линии прилива. По утрам я прогоняю свои сны, решив уберечь сердце, словно они еще не разорвали его на части. Но с каждым опавшим листом от сердца откалывается осколок и звенит у меня в груди.

Я такая дура, раз решила, будто знала до встречи с ними, что такое разбитое сердце. Возможно, так оно и было, но до этого лета я никогда не чувствовала, что потеряла частичку

себя.

Я – тень прежней себя, живущая воспоминаниями и мечтами, упивающаяся бесконечной болью и муками от того, что потеряла их. Я балансирую на краю, снова забывая про свои нужды. Я вернулась с намерениями избавиться от дурных привычек, но не ожидала, что прощу Шона и Доминика. Не ожидала, что время сыграет решающую роль, станет причиной их отпустить.

Однажды.

Сегодня я заставила себя вылезти из постели и машинально оделась, намереваясь попробовать провести несколько часов, выкинув из головы все мысли о парнях. Подъехав к центру города, я с трудом нахожу место на парковке, а затем присоединяюсь к толпе жителей Трипл-Фоллс и туристов, которые вылезают из машин с предвкушающими улыбками. Меллинда без умолку болтает о яблочном фестивале, и когда я заворачиваю за угол и осматриваю площадь, едва сдерживаю смех.

Это больше похоже на уличную ярмарку для бедняков. Провинциальное сборище уличных торговцев, сбывающих ассортимент местных кафешек, и художников, выставивших свои работы под тентами. Это совершенно не похоже на мероприятия в крупных городах, но, оказавшись тут, я нахожу, что у здешней ярмарки имеется свое очарование. И, разумеется, здесь есть яблоки, выращенные и собранные местными фермерами. От взгляда на логотип плодового сада, где

мы с Шоном провели полночное свидание, у меня подкашиваются ноги. Чем дальше я прохожу, тем сильнее начинаю жалеть, что вообще сюда пришла. С каждой секундой мысль вернуться к машине становится все более заманчивой. В голове роятся воспоминания о том, как меня боготворили среди диких деревьев. Они душат и напоминают, что я не та, кем была раньше, и, возможно, никогда уже ей не буду. Вместо того чтобы быстро ретироваться, я медленно иду по тротуару вдоль магазинов, примыкающих к фестивальным тентам. И резко останавливаюсь, когда открывается дверь тату-салона и оттуда вываливается компания парней. Услышав «а я тебя знаю», поднимаю глаза и смотрю на знакомое лицо.

Спустя пару секунд вспоминаю, где его видела.

– ЭрБи, если не ошибаюсь?

Он выше меня на полголовы и смотрит теплыми веселыми глазами медового цвета.

– Верно, – отвечает парень. – А ты девушка Дома.

– Я... – Я теряюсь, пытаюсь придумать ответ, но мой взгляд останавливается на не покрытой повязкой татушке, тянущейся вдоль его шеи. В форме кончиков пера.

Заметив мое удивление, улыбка ЭрБи становится шире. Выражение его глаз становится заметно холоднее, а губы скривляются в снисходительной усмешке. Он оттягивает белую повязку, обнажая украшающие его руку свежие черные крылья.

– Наверное, хорошо, что не все *мы* разделяем *твое* мне-

ние.

Опешив, пытаюсь подобрать подходящие слова, моя поза выражает чувство стыда. Тем вечером он видел мой страх и нерешительность, но – самое главное – видел, как я строю предположения.

– Выше нос, девочка, не плачь из-за этого.

Я могу засыпать его уймой оправданий. Могу объяснить, что мой страх был вызван тем, что я оказалась на незнакомой территории, а на коленях Дома неожиданно возник пистолет, их резким обменом реплик и намеками, но все эти оправдания никуда не годятся. Я сделала ужасные выводы насчет Доминика и ЭрБи. Никогда так не ошибалась в своих суждениях.

– Извини.

Он отвечает улыбкой и с гордостью демонстрирует птицу.

– Думаю, важно, что ты понимаешь, я стою *рядом с тобой*.

Уважение твоему парню, он увидел во мне задатки, когда мы были *детьми*.

Потеряв дар речи, пытаюсь собраться с духом и смотрю ему в глаза, надеясь, что он увидит правду, как мне на самом деле стыдно из-за того, что он прав. В который раз мне преподали урок, отчего становится не по себе, но я уже поняла, что это единственный способ стать зрелым человеком. За эти месяцы Шон многому обучил меня, но главное – показал преимущество смирения, которое я и чувствую, смотря на ЭрБи.

Один из друзей ЭрБи, стоящий за его спиной с такой же повязкой на руке, произносит:

– ЭрБи, нам пора выдвигаться, еще куча дел.

Два новых Ворона.

И я завидую им, потому что мне нельзя туда, куда направляются они.

Я подхожу к мужчине, обратившемуся к ЭрБи, и протягиваю руку.

– Привет, я Сесилия.

Он с изумлением смотрит на мою руку, но все же пожимает ее.

– Терренс.

– Приятно познакомиться. Поздравляю.

Он ухмыляется, но в его глазах безошибочно читается гордость.

– Спасибо. Ты девушка Дома?

– Да. Точнее, была ею.

Я смотрю на ЭрБи, взглядом умоляя его, поскольку знаю, куда он собирается. Знаю, что у него встреча с двумя мужчинами, которых я так жажду увидеть.

– Я не в том положении, чтобы просить об услуге, но когда... увидишь их, когда увидишь... Доминика. – Я качаю головой, понимая, что сообщение будет получено не так, как хотелось бы мне. Я не разговаривала с ним с тех пор, как узнала правду о смерти его родителей и о роли моего отца в сокрытии этого дела. – Не бери в голову.

Нахмурившись, ЭрБи наклоняет голову и внимательно смотрит на меня светло-кариими глазами.

– Уверена?

– Да.

– Ладно. Тогда увидимся? – его вопрос полон намека, и мы обмениваемся заговорщическими улыбками.

– Очень на это надеюсь. Однажды, – отвечаю я, всем сердцем надеясь, что этот день настанет. Что я снова смогу беспрепятственно быть рядом с членами Братства – привилегия, которую я воспринимала как должное.

Парни уходят, а я глотаю подступивший к горлу комок от угрызений совести. В очередной раз меня задело за живое. Я думала, что знаю многое, тогда как на самом деле не знаю ничего. В груди ноет, голова идет кругом, я обхожу коляску, но чувствую, как на меня выливается сидр. Мужчина с двумя детьми извиняется, пока я стряхиваю с рукава капли.

– Ничего страшного, – заверяю я и схожу с тротуара на Мэйн-стрит.

Горожане гурьбой бредут вдоль бесконечно тянущихся торговых палаток. Большинство людей улыбаются, находясь в блаженном неведении о том, какая разворачивается война. Далеко за этими деревьями и национальными парками группа мужчин сражается от их лица за процветание местной экономики, чтобы большая часть выручки не досталась нуворишам.

Последние несколько месяцев я столько размышляла над

этим, что теперь у меня открылись глаза на то, что происходило и происходит по сей день. Отчасти хочется забыть об этом, стереть из памяти все, что знаю теперь, но так я сотру и своих призраков, а я до сих пор слишком сильно люблю их. Еще сильнее, чем раньше.

Даже несмотря на то, что моя обида растет из-за их отсутствия и молчания.

Любому их поступку есть объяснение. Я могу ненавидеть их за оставшиеся без ответа вопросы, за то, что вынудили меня в них сомневаться. А могу доверять всему, что они мне поведали, всему, во что умоляли поверить – в их признания и *в них самих*, до того, как они пропали без вести.

В солнечные дни я тоскую по Шону, по его улыбке, рукам, члену и смеху. По его теплым соленым поцелуям с привкусом табака. По легким касаниям языка. По подмигиваниям, которыми он намекал, что знает, о чем я думала. В грозу я тоскую по накрывавшему меня облаку, по поцелуям, превращавшим меня в настоящую распутницу, по порочным и вкрадчивым ласкам языка, по мимолетным улыбкам, от которых пела душа. По жидкой яичнице и черному кофе.

Эти мужчины приняли меня под свое крыло, научили собственным примером, разбудили мой сексуальный аппетит и навеки запечатлелись в памяти. Как я могу об этом забыть?

Теперь я не смогу вернуться к прежней жизни.

Из глаз текут слезы, когда я начинаю терять рассудок на оживленной улице, вынуждая себя приспособиться к реаль-

ности, в которую меня вернули. Хлюпая носом как идиотка, пробираюсь сквозь собравшуюся перед муниципалитетом толпу, возле которой на высокой сцене, закрывающей вход, выступает группа. Несколько пар, которые словно целый год упражнялись, наглядно демонстрируют свои умения, синхронно двигаясь в танце. Я смотрю на ближайшую ко мне пару, которая улыбается друг другу так, будто между ними есть какой-то секрет. И, наблюдая за их безмолвной связью, чувствую только зависть, потому что так же у меня было и с моими ребятами.

У меня все это было.

И свои секреты, которые я навеки обязана сохранить. Я никогда не смогу ими поделиться. Но сохраню их, потому как никто не в силах по-настоящему понять их опасность или уловить их истину. Сама история прозвучала бы как нереалистичная, провоцирующая сексуальностью сказка с плохим финалом или – что еще хуже – вообще без финала.

Приехав в Трипл-Фоллс, я хотела отказаться на время от своих строгих моральных принципов, раскрепоститься, чтобы насладиться жизнью в хаосе.

Мое желание исполнилось.

И стоило быть за это благодарной.

Но вместо того я скорблю.

А здесь у меня это не получается.

Шаг за шагом я пробираюсь через толпу, чтобы уйти. Уйти подальше от этих улыбок, смеха и счастливых людей, ко-

торые даже не подозревают, сколько усилий я прикладываю, чтобы не закричать на них, не потребовать, чтобы они, черт возьми, очнулись.

Но так я стала бы очередной мошенницей. Ирония не остается незамеченной. Если бы жители только знали, как рискуют каждый день те мужчины, возможно, они бы прислушались. Возможно, они объединились бы с ними, прикнули к их делу.

А может быть, они прекрасно осведомлены о творящемся произволе и намеренно его не замечают. Не так давно я сама пребывала в блаженном неведении.

Битвой добра и зла никого не удивишь. Она каждый день происходит у всех на виду. Но сейчас даже новостям нельзя верить – их часто преподносят так, что приходится отделять факты от преднамеренного вымысла. Но мы сами выбираем, чему верить, и эти люди, похоже, сделали мудрый выбор. Может, для меня будет лучше не бежать, а стать одной из них, смешаться с толпой и притвориться несведущей во всем, что происходит в этом гребаном мире, чтобы дышать стало чуточку легче, чтобы однажды я снова смогла улыбаться. Но время идет, и с каждым днем становится очевидно, что это стремление принимать желаемое за действительное, потому что я не могу вернуться в прошлое.

Мужчины в моей жизни с таким трудом открыли мне глаза, заставили осознать войну, которую они объявили. И теперь я знаю, что, если бы меня поставили перед выбором, я

бы прокричала свое решение: я полностью за них. Навсегда.

Стоя в стороне, возле переулка между зданиями, я обращаю внимание на группу: солист здоровается со зрителями, и его микрофон фонит. Парень извиняется.

– А теперь, когда мы привлекли ваше внимание, – шутит он, когда звук стихает, и подает сигнал барабанщику, – давайте начнем.

Начинает играть музыка, звуки гитары и баса, а я вытираю лицо и нос рукавом тонкого свитера.

Я стою на чертовой улице посреди яблочного фестиваля, чувствуя в душе хаос.

Я не могу. Еще рано.

Группа играет жизнерадостную песню, и я слушаю, как солист поет о потере ориентира в жизни, о переживании трудных времен, и подбадривает нас продолжать улыбаться. У меня вырывается горький смешок, по лицу стекает очередная теплая слеза, и я стираю ее рукавом.

Да, я ухожу.

Однажды.

Собираясь идти к машине, я чувствую на своем бедре руку. Оборачиваясь, ощущаю знакомый аромат кедра и табака. У меня перехватывает дыхание, и я, пользуясь возможностью, затягиваюсь этим запахом, приникнув к мужской груди.

Меня овевает теплое дыхание.

– Хорошая песня.

Меня хватают за безвольно висящую руку, разворачивают, и в следующую секунду я оказываюсь лицом к лицу с Шоном.

– Привет, Щеночек.

Слезы снова подступают, я с изумлением смотрю на него. Его сверкающие глаза тускнеют, когда он замечает выражение моего лица.

– Что ты...

Прежде чем я успеваю задать вопрос, Шон обнимает меня за талию, берет за руку и отводит к толпе.

– Какого черта ты творишь? – возмущаюсь я шепотом.

Шон вклинивает колено между моими ногами. Я безвольно стою в его объятиях, пока он сжимает мои руки.

– Ну же, Щеночек, – взмаливается он, когда мы начинаем привлекать внимание. Шон ведет нас в идеальном темпе, опускаясь и покачиваясь, побуждая повторять за ним. – Давай, детка, – просит он. Улыбка на его лице начинает гаснуть от того, что я продолжаю стоять. – Послушай меня.

Меня охватывает трепет, когда Шон подзывает к себе. Невозможно игнорировать, как он раскачивается, сексуально приподнимая бедра. Я сдаюсь, разрешаю музыке вести и начинаю танцевать с Шоном, вращая бедрами. Он ободряюще подмигивает, проворно поворачивается, заведя мою руку себе за спину, и с легкостью выполняет движение. Несколько зрителей поблизости выкрикивают слова поддержки и улюлюкают, увидев, как по моей шее расплзается румянец. Но

это Шон, его сила воздействия на меня, и он ею идеально управляет. Поэтому я поступаюсь принципами. И уступаю ему.

И вот мы танцуем, а Шон мне поет. Его идеальное тело покачивается в такт задающим ритм басам, когда вдруг вступает гармошка. Мы танцуем на шумной улице, расходимся и снова приникаем друг к другу. Мы танцуем так, словно занимались этим много лет, а не пару месяцев. В его карих глазах отчетливо читается гордость, когда он замечает, как я оживаю. Музыка резко обрывается, окружающие нас танцоры замирают. В небо поднимаются руки, все дружно выкрикивают слова песни. На долю секунды все замирает, прежде чем снова приходит в движение.

Я не слышала эту песню раньше, но знаю, что никогда ее не забуду. Текст слишком ироничный, слова обращаются ко мне на самом сокровенном уровне. И я воспринимаю это как подарок судьбы. Да, так и есть. Здесь, на Мэйн-стрит, мы крадем время, возвращаемся в прошлое и просто... танцуем. Вдвоем мы забираем наши украденные мгновения и не обращаем внимания на испорченный мир, наши обстоятельства и помехи. В эти короткие минуты лета мне чуточку легче дышать, чем обычно, а боль утихает.

Нет ничего важнее меня, моего золотого солнца и любви, которую я к нему испытываю. Я со смехом качаю головой, когда Шон демонстративно кружится, бросая вызов любому, кто попытается испортить нам это мгновение. И тогда я

понимаю: мы не позволим никому и никогда разрушить то, что у нас есть. Когда песня заканчивается, толпа взрывается одобрительными аплодисментами, а Шон наклоняется и обхватывает мое лицо руками. Он приникает ко мне, а потом захватывает мои губы в таком чувственном поцелуе, что боль, которой я только что избежала, сменяется агонией.

Умом я понимаю, что сегодня это «однажды» не наступит.

– Я должен идти, – взглядом умоляя понять, шепчет он мне на ухо и убирает с моего плеча волосы.

– Нет, пожалуйста.

– Я должен. Прости.

Я качаю головой и опускаю глаза, когда начинают литься ожидаемые слезы. Шон касается пальцем моего подбородка и смотрит мне в глаза. В его глазах такое же опустошение.

– Пожалуйста, Щеночек, ешь. – Он ведет большим пальцем по моему лицу. – Танцуй, пой, улыбайся.

– Не уходи, пожалуйста. – С печальным лицом он касается нежным поцелуем моих губ, и у меня вырывается всхлип, из-за которого все слишком быстро прерывается. – Шон, пожалуйста...

Когда Шон меня отпускает, я закрываю лицо ладонями, из горла вырывается мучительный крик, когда его тепло покидает меня.

Задыхаясь от слез, я качаю головой, обхватив ее руками. Я не в силах вынести мучительную боль, от которой разры-

вається серце. Ладони пропитиваються сльозами, вокруг меня собирается толпа, а я чувствую каждый его шаг.

Я не могу его отпустить. Не могу.

Опустив от лица руки, я выискиваю, в каком направлении он мог уйти, и начинаю проталкиваться в прибывающей толпе. Я не позволю ему оставить меня. Не желаю, чтобы этот танец стал последним, потому что мне всегда будет мало. Сердце сжимается, когда я теряю Шона из виду. Я поворачиваюсь, осматриваясь, но теряюсь в толпе, которая бросается к сцене. Пробираясь через людей, я начинаю паниковать.

– Шон! – кричу я, оглядываясь, замечаю взъерошенные светлые волосы и кидаюсь за ним.

– Шон! – Я отталкиваю семью, едва не сбив маленького мальчика с липкими от глазированных яблок руками, извиняюсь и бросаюсь туда, куда ушел Шон. Кружа на месте, замечаю ближайшую скамейку и запрыгиваю на нее, прочесывая глазами тротуары и переулки.

– Нет, нет, нет!

Меня охватывает паника, когда я не нахожу Шона. Навострив слух, я бесплодно ищу, пока не доносится слабый, но отчетливый рокот двигателя. Я бросаюсь туда и бегу по переулку, заворачиваю за угол. Врезаюсь в невидимую стену и встречаюсь глазами с серебристым взглядом. Прислонившись к «Нове» Шона, стоит Доминик. Скрестив на груди руки, он внимательно на меня смотрит. Шон тоже замечает меня, стоя по другую сторону машины. Он бросает послед-

ний взгляд поверх крыши, а потом садится за руль. Я перевожу глаза на Доминика, который оглядывает меня с головы до самых пят. С замиранием сердца я осторожно делаю шаг вперед, и он отрицательно мотает головой.

– Пожалуйста, – шепчу я, зная, что он прочтет мольбу по моим губам. Слезы льются безостановочно. В его серебристых глазах отражаются все эмоции. Когда он полностью эмоционально передо мной открывается, у него подергиваются пальцы. Я знаю, что он хочет сократить расстояние, стереть все преграды между нами.

– Пожалуйста, – умоляю я, не в силах вынести эту боль. – Пожалуйста, Дом, не уезжай. Пожалуйста, – выкрикиваю я.

Я чувствую, с каким трудом ему дается отказ, когда он медленно качает в ответ головой. Его выдают глаза, а не поза. В его взгляде я вижу тоску, сожаление и негодование из-за того, в каком мы оказались положении. И этого достаточно. Должно быть достаточно.

Мне не почудилась его привязанность. Не почудились те минуты, что мы провели вместе. Никто не может обесценить или опровергнуть все, что между нами произошло. Никто. И я не позволю кому бы то ни было забрать у меня это драгоценное время.

Но стоя напротив них и изливая душу, я не получаю от них никаких гарантий, и это пугает сильнее всего.

Доминик дергает за ручку за своей спиной и открывает дверь. Шон упрямо смотрит перед собой – то ли чтобы дать

нам время, то ли потому что больше не может на меня смотреть. Это ни капли не утешает. Я с упоением смотрю напоследок на Доминика и показываю ему свои слезы, свою любовь. Приложив руки к груди, я закрываю глаза и произношу одними губами правду:

– Я люблю тебя.

Открыв глаза, я вижу в его глазах настоящее чувство от моего признания. Дом делает шаг вперед, на его лице появляется нерешительность, но он тут же разрывает нашу связь и садится к Шону в машину. И в следующий миг они исчезают.

И тогда я наконец понимаю, что они проиграли в битве, когда пытались меня удержать.

И это «однажды» может никогда не наступить.

Глава 3

В одном из фильмов саги «Сумерки» есть сцена, в которой Белла, подавленная горем, неподвижно сидит в кресле и немигающим взглядом смотрит в окно, за которым сменяются времена года. Глядя со своего балкона, как осыпается с деревьев листва, чтобы весной дать жизнь новым росткам, я поняла, что прожила последние три сезона, как Белла, когда ее оставил возлюбленный.

Возможно, прошедшее лето и было наполнено любовью, но, когда на землю упали первые снежинки, моя ненависть только возросла. Ненависть к незнакомому мужчине, который лишил меня счастья, сделав изгнанницей.

Теперь, когда я жду тех, кто меня покинул, я заменяю тоску на презрение к мужчине с пылающим взором, к тому, кто приказал держать меня на соответствующем месте – в неизвестности.

Праздники быстро пролетели, и я отправилась домой. Зимние каникулы я провела с матерью и Кристи, излечивая все это время свое разбитое сердце – сердце, до краев наполненное любовью, которую не на кого излить. И ни разу за все это время я не пожалела о минутах, проведенных с Шоном и Домом.

Я благодарна им.

Признательна.

Благодаря знакомству с ними я познала себя. Это было не просто лето, а сезон открытий. Думаю, большинство людей живут, не познав себя так хорошо, как удалось это сделать мне. Страстные свидания и ночи, что я проводила со своими любовниками в тени зеленых деревьев и под мерцающими звездами, преобразили меня.

Проходили минуты, часы, дни и месяцы, а я так и не вернулась к жизни. Просто плыла по течению.

Я хранила свои воспоминания за семью замками, пока однажды не заставила себя начать жить заново. Учеба давалась легко, да и на работе стало попроще, когда я сблизилась с Мелиндой и парой рабочих с ночной смены. Из Братства никто со мной не разговаривал – вообще никто. Столкнувшись с кем-нибудь из них на городской заправке или в другом месте, я оставалась невидимкой для любого, у кого была татуировка. Я потеряла не только своих парней, но и друзей, включая Лайлу и остальных, кто имел отношение к Братству.

Ублюдок сдержал обещание. Я оказалась совершенно одна.

Со временем я решила, что так будет лучше. Общение или связь с любимым, кто был близок с Шоном и Домиником, дадут ложную надежду на будущее, которое мне не светит.

В конце весны я успешно окончила два семестра с почти идеальным средним баллом и дорабатывала отведенный год на отцовском заводе. Я на три четверти исполнила условия нашей сделки, осталось всего несколько месяцев.

Всего одно лето в Трипл-Фоллс – и я освобожусь от Романа Хорнера и обязанностей перед ним, а моя мать наконец обретет финансовую независимость.

Свобода близка.

После нашей последней встречи Роман не вернулся из Шарлотт, и я не жду, что он вообще сюда приедет. Отец не утруждался возобновлять общение, просто каждую неделю присылал письмо на электронную почту. Как я и подозревала, он никогда не жил тут. Можно даже сказать, этот дом всегда был лишь проектом храма его успеха.

К концу лета больше не придется иметь дело с томительным опасением встретиться лицом к лицу. Притом мне будет отписана большая часть его состояния, и связь между нами навсегда разорвется.

Как ни странно, я не спешу покидать Трипл-Фоллс.

Я привязалась к этому городу и его жителям. И больше не возражаю против рутины рабочих дней. Но теперь, когда семестр окончен и выходные снова принадлежат мне, придумать себе дело становится сложной задачей.

Я провожу свободное время с умом.

Часто отправляюсь в походы. Но никогда не хожу по тропам, по которым меня водил Шон. Я перестала быть мазохисткой. Зато стала выносливее, и мышцы уже не болят после долгих хождений по лесам и горным утесам. С помощью приложения я освежила знания французского, решив в конечном итоге провести лето за границей, раз уж мой банков-

ский счет пополнился. И теперь, когда погода перестала быть прохладной, я снова загораю, плаваю и читаю во дворе Романа.

Я разрешила себе немного пофантазировать о нормальной жизни, о том, как иду в последнюю минуту выпить по стакану пива вместе с коллегами или присутствую на семейных мероприятиях Мелинды, просто чтобы скоротать время. Я всячески стараюсь быть ей настоящей подругой, какой она является для меня.

Но сегодняшний день приносит новую преграду. После восьми месяцев мучительного молчания со стороны моих пропавших возлюбленных я согласилась на свидание.

Приняв обжигающий душ, обвожу мерцающей красной помадой губы и вспоминаю, как Шон водил по ним членом, давлю на корню воспоминания о звуках, которые он издавал, о довольном стоне и громком выдохе, когда он кончил.

– У тебя свидание. Свидание, Сесилия. – Я закрываю глаза, чувствуя, как меня сдерживают воспоминания о последнем свидании.

Перед глазами возникает улыбка Доминика вместе с ярким воспоминанием о том, как я пальчиками ног водила по его мускулистому телу, сидя на переднем сиденье «Камаро».

Чертыхнувшись, выхватываю салфетку и стираю размазавшуюся помаду.

– Свидание, Сесилия. Сосредоточься на свидании. Его зовут Уэсли. Он вежливый, образованный и сексуальный.

Но не такой сексуальный, как Шон. Или как Доминик. И ни один мужчина на свете не может быть таким сексуальным, как Француз, – вопреки моей непомерной ненависти к нему.

Да будь он проклят!

Стоит только подумать об этом надменном ублюдке, как в жилах закипает кровь. Возможно, нам больше не суждено встретиться, но я не позволю ему снова заполучить надомной такую власть, как при первой встрече. Он не мешкая лишил меня счастья, вынес приговор и определил жестокую меру наказания, после чего ушел. Несколько месяцев назад я бы подчинилась любому его плану, лишь бы оказаться рядом с Шоном и Домиником. Но время пошло мне на пользу. Оно меня исцелило. Придало сил и ярости.

Пусть только осмелится еще хоть раз встать у меня на пути после того, как собственноручно нас разлучил.

Но Шон с Домиником подчинились ему, и для меня их поступок непростителен.

Затаенная обида, за которую я цепляюсь, по прошествии времени помогает объективно смотреть на прошлое. Меня переполняют гнев и возмущение – орудия, необходимые, чтобы двигаться вперед. Однажды, когда гнев больше не понадобится, я прошу их за ту боль, что они мне причинили, ради себя. Но это случится нескоро.

Покачав головой, сосредотачиваю внимание на глазах, которые густо накрашена тушью. Голова явно забита не тем, и я прекрасно это понимаю. Но мне нужно сделать последний

шаг. Нужно вернуться.

Я перестала ждать «однажды», заменила его на «когда-нибудь» или «кто-то другой».

И, может, этим «другим» станет Уэсли.

Лежащий на туалетном столике телефон вибрирует, оповещая о сообщении, и я впускаю Уэсли, решив не давать ему код от ворот. Этот урок я усвоила.

Преисполненная предвкушением, спускаюсь по лестнице в новом облегающем платье с завязками на шее, которое помогла выбрать хозяйка моего любимого магазина. Настроившись на новые перспективы, я подхожу к двери.

От неожиданно нахлынувших воспоминаний хочется смеяться. Не стирая из памяти настоящее, задержаться в прошлом. Я просто хочу почувствовать близость, не имеющую *ничего общего* с мужчинами, которые отказываются покидать мои сны, после того как забрали у меня жизнь. Более того, хочется узнать, смогу ли я почувствовать волнение, намек, хоть какой-то признак жизни, кроме биения собственного сердца.

Просто хочется знать, способна ли я почувствовать иные признаки своего существования.

– Пожалуйста, – шепчу я, хотя никто меня не слышит. – Я хочу ощутить хоть что-нибудь, – взмаливаюсь я, когда Уэсли подъезжает к дому и выходит из пикапа.

Когда он окидывает мою фигуру карими глазами, в которых зажигается огонек, и встречает белозубой улыбкой, я по-

нимаю, что для меня свидание окончено.

* * *

Ничего.

Вот что я чувствую. Абсолютно ничего. Ни во время ужина, ни когда Уэсли берет меня за руку и отводит к своему пикапу. Ни волнения, ни толики предвкушения, когда он открывает передо мной дверь и, нежно убрав с моего лица волосы, наклоняется.

Его поступок меня заводит, и я в последнюю секунду отворачиваюсь, не в силах этого вынести. Это не ласка Шона и не губы Доминика. Уэсли опускает голову и внимательно смотрит на меня.

– Тебе разбили сердце?

– Извини. Я думала, что уже готова.

– Ничего. Просто... когда я говорил за ужином и не мог заткнуться, мне показалось, что мыслями ты не со мной.

– Дело не в тебе... – Я чувствую неловкость и по выражению его лица понимаю, что правда была бы более милосердным поступком.

Ему хватает такта хмыкнуть.

– Ауч.

Хочется заползти под его пикап. Вместо этого Уэсли помогает мне сесть в машину и наклоняется.

– Все хорошо, Сесилия. Я понимаю тебя.

Испытывая чувство вины, я смотрю на него.

– Я оплачу свой заказ.

– Сколько еще ты планируешь меня сегодня оскорблять?

И с какими придурками ты раньше встречалась?

С незабываемыми придурками и немного мерзавцами.

– Я бы не стала тебя винить, отправь ты меня домой на такси.

– Ты до боли честная, но мне это нравится. – Он прикусывает губу и смотрит в глаза. – А еще очень красивая. Я польщен, что стал твоей первой попыткой. И может быть... – Уэсли пожимает плечами. – Может быть, мы как-нибудь попробуем снова.

– С радостью.

Мы оба понимаем, что это ложь, но я успокаиваюсь и пристегиваюсь, пока Уэсли обходит пикап. Он садится в машину и на обратном пути настраивает радио. В салоне повисает тишина. Я радуюсь, когда он наконец заговаривает:

– Так это был кто-то из местных?

– Нет. Просто мудака, с которым я встречалась в Джорджии. – Ложь с каждым разом дается легче. Но говорить правду в мои планы не входит.

Уэсли оставляет меня у входной двери, дружески обнимает на прощание и предлагает позвонить ему, когда я буду готова. Когда он уезжает, я проклиная свое верное сердце и, разозлившись на себя, от души хлопаю дверью.

Приуныв, поднимаюсь по лестнице и захожу в спальню.

Скинув босоножки, вытаскиваю из сумочки телефон и отправляю сообщение Кристи.

«План “Покончи с ними” полностью провалился».

Кристи: «Не сдавайся, детка. Сейчас любой мужчина просто временная замена».

«Я еще не готова».

Кристи: «Ничего страшного. Не спеши. У тебя все получится».

«Чем сегодня занята?»

Кристи: «“Нетфликс” и расслабон. Завтра тебе все расскажу».

«Отдыхай, детка. И жду новостей. Люблю. Спокойной ночи. Целую».

Я решила смириться со своим прогрессом. Я сходила на свидание, и неважно, успешно оно прошло или нет. Это уже начало.

Поставив телефон на зарядку, откидываю одеяло, сажусь на край кровати и вожу пятками по плюшевому ковру.

Попытка жить «обычной» жизнью после страстных отношений с двумя парнями изматывает. Спустя столько месяцев я продолжаю скучать по суматошным вечерам, по загадочности, связи и сексу. Божественному сексу.

Я предоставила себе достаточно времени, чтобы оплакать эти отношения. Было бы гораздо легче, если бы сердце прислушалось к разуму. Провожу пальцами по нетронутым губам и решаю смыть макияж под душем утром. Откинув по-

душки с одеяла, устраиваюсь удобнее с книгой и замираю, увидев металлический кулон, дожидаящийся меня на подушке.

Обхватив его пальцами, подношу к глазам и не верю, что держу его в руках, не верю в то, что он может означать. Подскакиваю с кровати и оглядываю комнату, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце.

– Шон? Доминик?

Я иду в ванную. Пусто.

Балкон. Тоже никого.

В отчаянии обыскиваю дом, но обнаруживаю, что все двери закрыты.

Но закрытые двери никогда их не останавливали. Они никогда не были преградой. И доказательство у меня в руке.

Окрыленная надеждой, застегиваю кулон на шее и бросаюсь к черному ходу. Снимаю с напольной вешалки резиновые сапоги, надеваю их и достаю из дождевика карманный фонарик. Спустя пару секунд я вожу слабым лучом по внутреннему двору.

– Шон? Доминик?

Никого.

Направляюсь напрямиком в лес, мимо поля со свежескошенной травой. От ощущения теплого металла на шее в осколках сердца проклевывается первый намек на надежду. Взобравшись на небольшой холм, ведущий к лесу и поляне, с трудом перевожу дыхание.

От раскинувшегося передо мной вида я охаю. Высокая трава покачивается, залитая желто-зеленым светом от сотен светлячков. Они плавно перемещаются с кустов на толстые ветки и сияют в небе как алмазы, исчезая в свете полной луны.

– Шон? – С помощью фонарика обыскиваю каждый уголок поляны, осматриваю каждую тень от деревьев. – Доминик? – тихонько зову в надежде, что один из них или оба меня ждут. – Я здесь, – объявляю, обыскивая темный лес. От фонарика в руке мало толка. – Я здесь, – повторяю, касаясь пальцем выреза на ожерелье.

– Я здесь, – тщетно произношу, потому что тут никого нет. Здесь только я.

Вконец сбитая с толку, поворачиваюсь, отчего начинает кружиться голова, и молюсь отыскать любой признак жизни, но безуспешно.

Та надежда, что я чувствовала всего несколько минут назад, развеивается на ветру, шелестящем в высоких мерцающих соснах. Но я не заикливаюсь на боли. Прикладываю ладонь к груди и смотрю на симфонию света, разыгрывающуюся над моей головой и у ног. Их мелодия беззвучна, но завораживает. Околдованная луной и световым представлением, я сжимаю между пальцами вороново крыло.

Один или оба заявили на меня свои права.

Кто-то положил медальон на подушку.

Я взываю к ним еще раз.

– Шон? Доминик? – Вокруг меня воздух словно замирает, когда появляется намек на чье-то приближение. Я резко выпрямляюсь, услышав в метре от себя низкий голос с французским акцентом.

– Жаль тебя разочаровывать.

Глава 4

Он появляется из тени густой рощи. Я пчусь назад, включаю фонарик и направляю на него луч.

– Чего ты хочешь?

– Хочу? От тебя? *Ничего*. – Он предстает передо мной, его тон сочится презрением.

Благодаря карманному фонарику мне хорошо его видно, ни одна тень не омрачает его лицо: изящный нос и резко очерченный подбородок. Какая жалость, что я ненавижу его, иначе могла бы отдать дань его красоте. Я выключаю фонарик, желая, чтобы его поглотила тень, но даже в темноте, под сияющей луной и среди окружающих похожих на фейри светлячков он ослепляюще прекрасен. Мужчина одет так же, как в нашу первую встречу, разве что пиджака и узкого черного галстука сегодня не наблюдается. Он выглядит неуместно в рубашке, брюках и начищенных ботинках посреди леса.

– Что ты тут забыл? Да еще и в таком виде?

– Могу задать тебе тот же вопрос.

Я так и не сняла после свидания платье, и теперь стою перед ним в макияже и с укладкой, обутая в резиновые сапоги в горошек. Тоже слишком расфуфыренная для полуночной прогулки по лесу.

– Я тут живу.

– Нет, не живешь.

– Не придирайся к словам. И хватит здесь ошиваться.

– Буду ошиваться везде, где, черт возьми, захочу. – Его взгляд полон той пылающей жестокости, что я видела во время нашей стычки в прошлом году. В его голосе снисхождение и неприязнь. Было бы проще уйти, но хочется просветить его, что я тоже вынесла о нем суждение, как он обо мне.

– Ты омерзителен. Эта твоя манера. – Я поднимаю руку и обвожу ей его. – Словно у тебя есть право так себя вести, обращаться со мной, как взбретет в голову.

– Хочешь произнести речь «Поступай с другими так, как поступали с тобой»? Потому как я гарантирую, что ты одним своим существованием отравила мне жизнь.

– Ты несешь вздор и недостойн того, чтобы я вела с тобой беседы.

– Ты забываешь, с кем разговариваешь.

– Ага, ну а ты можешь засунуть в себя свой член, придурок. Мы тут не пиячками меряемся.

– У тебя отвратительная манера выражаться.

– Ты урод и ублюдок, а хорошие манеры я показываю воспитанным людям, не заносчивым социопатам с отсутствием эмпатии.

Он нависает надо мной, его аромат вторгается в мое личное пространство. Он выше Шона и Доминика на несколько сантиметров. Его телосложение чудовищно зловещее, будто он миновал переходный период и из ребенка сразу стал мужчиной.

– А ты – девчонка с грязным ртом. И если я недостойн беседы с тобой, почему ты до сих пор со мной споришь?

– Верно подмечено. Катись к черту. – Я отохожу от него, как вдруг он резко хватает меня за запястье. Я пытаюсь вырваться, но он смотрит не на меня. Его взгляд прикован к вороньему крылу, висящему у меня на шее.

– Что это?

Я не могу сдержать улыбку.

– Думаю, ты прекрасно знаешь, что это.

– Кто тебе его дал?

– Не твое дело. Отпусти!

Он рывком притягивает меня к себе, и я роняю фонарик, вцепившись в руку, которой он меня держит. Другой он тянется к медальону. Поняв его намерения, я прихожу в ярость. Свободной рукой влеплю ему пощечину и отступаю, чтобы горячей ладонью залепить пощечину сильнее.

– Черт, не смей!

Мне не по силам одолеть этого дикаря, когда он рывком притягивает меня к себе и трясет, как тряпичную куклу, после чего бросает на землю и садится сверху.

– СЛЕЗЬ С МЕНЯ! – кричу во всю силу своих легких и борюсь с ним. Я провожу ногтями по его рубашке, но вцепиться мне не во что. Он с легкостью берет надо мной верх, словно дерется с мошкой, и прижимает мои запястья к холодной траве.

Он нависает надо мной с глазами, полными ярости.

– Сейчас же говори, кто тебе это дал, мать твою!

Я плюю ему в лицо и поздравляю себя, когда слюна попадает на его подбородок. Мужчина без усилий перехватывает мои запястья одной рукой, прижимает их к земле, а потом стирает слюну плечом. Я вижу блеск зубов и понимаю, что ублюдок... улыбается так, что меня начинает тошнить.

– Я лишал жизни и за меньшее.

– Тебе меня не напугать. Ты всего лишь огромная безмозглая туша.

От его мрачного смешка по спине ползут мурашки.

– Ты даже не подозреваешь, что уже намокла. – Его горячий шепот вызывает тревожный звоночек. – Может, стоило дожидаться, когда ты сама это поймешь, когда снимешь трусики и начнешь из-за этого изводить себя.

– Пошел ты.

Он наклоняется, и до меня доносится аромат пряного цитруса и кожи.

– Тебе было одиноко, Сесилия?

– Слезь с меня. – Я борюсь с ним изо всех оставшихся сил, но безрезультатно.

– Время игр окончено. Кто дал тебе кулон?

– Я бы не сказала, даже если бы знала.

Черт. Черт. Черт.

– Ты не знаешь. – Его полные губы расплываются в приводящей в ярость ухмылке. – Великолепно! Ты не знаешь, от кого кулон.

Он наклоняется, и я слышу в его голосе очередное смертельное обещание.

– Я позабочусь о том, чтобы ты *никогда* не узнала. – Он хватает кулон, пока я сопротивляюсь со всей силы.

– Не надо, нет! Пожалуйста, не надо! – Я умоляю, вцепившись ему в руку; металлическая застежка впивается мне в шею и рвется. Потеряв самообладание, я кричу от чувства утраты. Глаза жжет от злых слез, поскольку этот мужчина растерзал меня одним-единственным поступком.

– Почему? Почему? Это мое. Он любит меня!

– Кто... *кто* тебя любит, Сесилия?

– Это для меня, для моей защиты! Это мое обещание!

– От кого тебе нужна защита?

От тебя.

Но я не осмеливаюсь произнести это вслух. Неважно, давала ли я ему власть меня тиранить или нет, – он не тот человек, который будет спрашивать разрешения.

– Эти твои законы! Нельзя их менять, как тебе захочется. Он выбрал меня!

– Ты жалкая. – Он отпускает меня, встает со сломанным кулоном в руке и смотрит сверху вниз.

– Думаешь, безделушка тебя защитит? Да она ничего не значит.

– Кулон важен для меня!

– Ты всего лишь влюбленная девчонка.

– Я двадцатилетняя *женщина*, ублюдок. – Я встаю, чтобы

быть с ним лицом к лицу, хотя ноги дрожат. – И я принадлежу ему.

– Потому что он так сказал? У тебя вообще нет права голоса. Ты не в себе. И нет, милая, ты ему не принадлежишь. Он мой брат.

– Твой брат, как же. Он просто мальчик, с которым ты строил крепость до того, как достиг половой зрелости. Тебе сколько... за тридцать перевалило? И все еще бегаешь по округе, сражаясь с воображаемыми драконами.

– Думай что хочешь, но ты видела, на что мы способны.

– На мелкие кражи и громкие вечеринки? Тоже мне, подвиг, – блефую я, не моргнув глазом. Не хочу, чтобы он знал, как много я на самом деле знаю. – И я знаю, *кому* принадлежу.

Он наклоняется и смотрит мне в глаза.

– Уверена?

– Я люблю его.

– *Назови* его.

– Это не имеет значения...

– Да-да, ты любишь их обоих. Я уже слышал об этом.

– Ты заплатишь за то, что сделал мне больно.

– Думаешь? – Он оглядывается. – Кто тебя спасет? – Я чувствую, как сильно бьют его слова. Он прав. Никто не спасет меня от этого безумного ублюдка. Но они отлично научили меня обороняться.

Словно прочитав мои мысли, он говорит тихим голосом,

в котором явственно читается угроза:

– Знаешь, мне и не такое сходило с рук. – От изысканности его французского акцента вкупе с откровенной неприязнью угроза становится более опасной. Но я не отступаю. Я столько месяцев отравляла себя ненавистью и охотно готова ее выпустить.

– Что же вас так злит, сэръ? Я помешала вам убивать и мучить мелких животных? Сегодня вечер пятницы, а вы не нашли занятия поинтереснее, чем преследовать *влюбленную девчонку*? И кто из нас жалок?

Я собираюсь с силами, гордо выпрямляюсь, чувствуя, как закипаю от гнева.

– Ты всего лишь напуганный мальчишка, одержимый идеей все контролировать, потому что в детстве тебя обделяли вниманием.

В следующую секунду я оказываюсь сбита с ног и падаю на спину. Сердце замирает, дыхание перехватывает, когда на мой рот набрасываются с чем-то, напоминающим поцелуй. Мужчина придавливает меня своим телом и накидывается на мои губы, раздвигая их языком. Я замираю с широко раскрытыми глазами, пока он грубо ласкает меня языком, шиплю и задыхаюсь. Полностью контролируя свои действия, он завладевает моим поцелуем, прежде чем крадет все предыдущие, стирая последний поцелуй Шона и те, что были до него. Стирает томительную игру языком Доминика. И я борюсь, цепляясь за те поцелуи всем своим естеством, но они

ускользают от меня сквозь хватку моих дрожащих пальцев. Утрата и ненависть распалют меня, пытаюсь отвернуться и воспрепятствовать, но он делает это невозможным.

С каждой секундой он грабит, обирает меня до нитки, а следующим движением берет в плен. Внезапно я оказываюсь объятай пламенем. Жар поглощает возведенные мной стены, и они падают оземь. Дым окутывает меня, и я лежу без сил под мужчиной, объятая синим пламенем.

Я погружаюсь в чувственное забвение и проигрываю битву, пытаюсь восстановить дыхание. Его мучительные ласки языком безжалостны. Он словно беспощадно лакомится моим ртом. С моих губ срывается стон, и меня поглощает бушующее пекло. Наконец, оно испускает дух.

А вместе с ним испускаю дух я.

И оживаю с помощью жестокого поцелуя.

Поцелуя, который возрождает меня к жизни – к жизни, которая за несколько месяцев забвения и отвержения потеряла важность. Вероломное тело предает меня. Медленно закипающий голод растекается по рукам и ногам. Наши языки соприкасаются и начинают яростное сражение. Я трахаю своего врага ртом и раздвигаю ноги, а он прижимается к моему ненасытному телу эрекцией.

Гнев и похоть вынуждают меня бороться сейчас совсем по другой причине: я цепляюсь, царапаюсь, чтобы прижать его к себе, впиваюсь ногтями в кожу головы и склоняюсь, чтобы открыть ему доступ к шее.

Тяжело дыша, я заимствую кислород у него. Наши языки сражаются, его движения показывают превосходство и самозабвение.

Неумолимая похоть овладевает мной, и я погружаюсь в подводное течение. Оказавшись в западне, я довольствуюсь волной и набираю в легкие воздух, воссозданный ненасытным ртом. Мое тело набухает, раскрывается, приветствует. Я обхватываю бедра мужчины ногами, пока он трется членом у моего лона. Разделяющая нас тонкая ткань почти не оберегает меня от прямого контакта. Выгнув спину, чувствую пульсацию во всем теле. Грудь наливается, а соски напрягаются. Между ног становится горячо, и я прижимаю мужчину к себе, когда он бьется и побеждает в схватке. Его прикосновения лишены нежности, но меня это устраивает, потому как знаю, что любой намек на нее меня погубит.

Сгорая от стыда при этой мысли, я отрываюсь от него.

– Остановись, – с запинкой произношу я в полном ужасе.

Мужчина пренебрегает моей просьбой, и я вновь пытаюсь развязать войну с похотью, которая разрушает меня. Он шлепает по моим рукам, опустив голову, кусает за шею и плечо, а потом обхватывает губами грудь. Тонкий хлопок намокает. Сосок становится твердым. Мужчина отстраняется, чтобы грубо отодвинуть ткань, сдернуть лифчик и оголить грудь. Он опускается и обхватывает ее ртом, я чувствую, как он впивается в плоть острыми зубами.

Через секунду он задирает юбку, его пальцы больно впи-

ваются в мое бедро. В это время я неуклюже вожусь с его ремнем. Звон пряжки заставляет меня замереть, а в следующее мгновение меня внезапно отпускают. Разинув рот, я пячусь под его хищным взором. Уверена, на моем лице отражается ужас от того, что я только что совершила. Тяжело дыша и сидя с обнаженной грудью, я разъяренно качаю головой, но мужчина с легкостью подтягивает меня за сапог. Опускается и снова целует, на его языке металлический привкус. Он исследует места, куда ему нет доступа, включая те, которых еще не касались. Когда он отрывается от меня, мы встречаемся лицом к лицу. Тишину разрушает наше прерывистое дыхание.

– *Tu n'y connais rien à la fidélité*¹.

Не в силах в полной мере интерпретировать услышанное, я знаю, что ядовитые слова, которые он произносит, – оскорбление. Поднимаю руку, чтобы залепить пощечину, но он перехватывает ее, впиваясь зубами в ладонь. Я не могу сдержать стон, когда мужчина снова прижимается ко мне эрекцией. Ощущение его пениса у моего влажного клитора подводит меня к краю. Еще одно движение бедрами – и я балансирую на грани оргазма.

– *Tu ne peux pas échapper à la vérité. Tu me veux*².

Он заставляет меня встать на колени и повторяет движение, а потом хватает за руки и ставит их на пояс своих брюк.

¹ Ты ничего не знаешь о верности (*фр.*).

² Тебе не убежать от правды. Ты хочешь меня (*фр.*).

Мы оба дышим так, словно пробежали марафон. Я смотрю на него, и он дерзко приподнимает густую бровь.

– Твой ход.

Я резко убираю руки, и он мрачно усмехается.

– Интересно, что почувствуют твои *парни*, если узнают, что ты целовала меня.

Я целовала его, и не только.

Я хотела его.

И не могу винить в этом алкоголь.

В душе я умираю. Но не подаю виду и встаю на колени посреди руин. Он с ухмылкой смотрит на меня.

– Они тебя возненавидят.

– Неужели?

– Скажи, Сесилия, где они?

Он застегивает ремень, поднимается на ноги, а я продолжаю стоять перед ним на коленях.

– Я мог бы тебя трахнуть, и ты это понимаешь. Ты не можешь хранить верность даже тем, кого, как сама утверждаешь, *любишь*. – С его акцентом это слово звучит омерзительно, придавая смысл, противоречащий значению. В следующую секунду, жестоко издеваясь надо мной, он опускает на уровень моих глаз кулон, позволяя ему свисать с пальцев.

– Все еще считаешь, что достойна *его* преданности?

Мой подбородок дрожит, губы болят от поцелуев, а я пытаюсь осознать то, что только что произошло.

– Я тебя ненавижу.

– Мне плевать.

– Пожалуйста. – Пытаясь поправить свое положение, свое платье и отыскать достоинство, которого он меня лишил, я отвожу взгляд от висящего перед глазами кулона. – Оставь меня в покое.

Я не могу смотреть ему в глаза. Он знает, что победил. А я не уверена, что достаточно сильна, чтобы сохранить достоинство даже с одним из мужчин, которым отдала свое сердце, поклявшись в преданности. Я почти год была им верна. Чтила наши воспоминания, оставалась верной без малейшего порыва получить ответную взаимность до сегодняшнего вечера, пока не увидела кулон. И за считанные минуты все испортила.

Испортила, поцеловав монстра, скрывающегося в тени, позволила ему кормиться моей слабостью.

И стала соучастницей.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Неужели я такая, какой он меня считает? Всего лишь глупая девчонка, влюбленная в двух мужчин, с которыми закрутила роман прошлым летом? Десять минут назад я бы сказала, что такое невозможно, и ни на секунду бы в этом не усомнилась.

А теперь?

Нет.

Нет, я не позволю ему победить. Он играл со мной, и я не позволю ему сбросить со счетов мои чувства в угоду больной

игре разума. Меня не проведешь.

– Жаль, что твое свидание не удалось, но ты еще найдешь себе человека, с которым можно играть, Сесилия.

Даже спрашивать не собираюсь, откуда у него эта информация. И так ясно, что он посвящен во все тайны, включая мои. Его вторжение в мое личное пространство доказывает, что он ни капли мне не доверяет.

Он следил за мной. *Пристально*. И я была душой, если думала иначе.

А еще это явный признак, что он до сих пор видит во мне угрозу.

Размышляя, я поднимаюсь с колен и сокращаю расстояние между нами. Меня переполняет желание бороться, и поэтому, впервые за несколько месяцев, я наконец выпускаю своего демона. Опускаю глаза на выпуклость в его брюках.

– Ты все еще возбужден.

Его янтарные глаза предупреждающе вспыхивают.

– Это ничего не значит.

– Ты хотел меня. *Все еще хочешь*. Если я такая глупая, дурная девчонка, почему ты так стремишься занять место своих *братьев* в моей постели?

– Я доказывал свою правоту.

– Скажи это своему члену. – Я хлопаю по его груди и провожу ладонью по подтянутому животу. Мужчина не вздрагивает и не отодвигается. Обхватив его достоинство, отмечаю размер и пытаюсь не выдать эмоций. Он порвет меня, если

возьмет так же грубо, как целовал.

Я сжимаю его сильнее и слышу резкий вздох. Крошечная победа, которую я не стану отмечать.

– Прежде чем ты уйдешь... – Я грубо глажу его рукой, а другой скольжу по ягодицам. – Имей совесть и назови свое имя.

Он не утруждает себя ответом и отходит от меня. Качает порванной цепочкой и кладет ее в карман.

– Прекрасно. Уверена, я отлично проведу время в поисках этой информации.

Он прищуривается, и я чувствую исходящие от него волны превосходства.

– Делай что хочешь, – провоцирует он, расслабленный своей верой в то, что первенство за ним.

Я отхожу и роняю предмет из кожи. Мужчина опускает на него взгляд, и я упиваюсь удивлением, с которым он смотрит на лежащий в траве бумажник. Поднимаю карманный фонарик и подношу его к удостоверению личности.

– Этому трюку меня научил Джереми, – ухмыляюсь я, изучая документ. – Очаруй внешностью и сделай выпад. Я быстро учусь, Иезекиль Тобиас...

Нет. Нет. Нет. Нет!

– *Кинг*, – завершает он. Победа снова за ним. Он выбивает из моей руки фонарик, а потом вырывает удостоверение. – Тобиас *Кинг*. *Брат* Доминика.

Правда пронзает меня как затупившийся клинок.

– Это не... Он бы...

– Рассказал тебе? Нет, он бы этого не сделал. А теперь это и твой крест, который ты должна нести. Так что на твоём месте я бы никому не стал раскрывать эту информацию.

– Я ничего не знаю.

– Шон многое тебе рассказал.

Моля Бога, чтобы я не вздрогнула от его слов, расправляю плечи.

– Понятия не имею, о чем ты.

– О, правда? Так вот почему в нашу первую встречу ты спросила о безопасности своего отца? Ложь тебе не поможет. Черт возьми, почти все, что он тебе рассказал, известно всем в этом городе.

Шон также рассказал, что мой отец – главный враг, что привело меня к теории, что Роман, вероятнее всего, причина создания Братства Ворона.

«Я расцениваю это как клятву».

Клятву. Двое юных сирот и их друзья поклялись отомстить, когда придет время. Доминик сказал, что ему было шесть, когда погибли родители. Тобиас ненамного старше. Шон говорил, что они были терпеливы. Потому что сначала нужно было получить образование и собрать армию.

– Но вы не похожи...

Сходства не так уж и много – только цвет волос и кожи. Если у Доминика изящные черты лица, у Тобиаса жесткие линии и широкие грани. Из-за французского акцента я пред-

положила, что Доминик и Тобиас как-то связаны, но не подозревала, что они могут оказаться братьями. На заводе Шон признался, что мать Доминика сбежала от своего бывшего мужа.

– Вы – сводные братья.

Не отвечая на мой вопрос, он засовывает удостоверение обратно в бумажник.

– Я права, да? У вас одна мать.

– Неважно, черт возьми, он слабость, – в его голосе слышится опасность, предупреждение. – И твоя тоже, так что если говорила всерьез, то не проронишь ни словечка об этом.

Кто-то из-за затаенной злобы может добраться до Тобиаса через Доминика.

– Никто не знает? С трудом верится. Вы же здесь росли.

Ему достаточно лет, чтобы он мог уехать из Трипл-Фоллс давно. Он жил не здесь. Если так, то ему не понадобилось много времени, чтобы узнать обо мне.

– Ты жил не в Америке. Где-то далеко. Во Франции?

Он хранит молчание, подтверждая мои подозрения.

– На фотографии не ты, а твой отец, верно? – Он не использует настоящую фотографию в удостоверении личности? Или это подделка? Все это похоже на роман про шпионов, а не на реальную жизнь.

– Значит, у вас одна мать? Но ты взял фамилию отца Доминика? Почему?

Снова молчание. Но если его мать уехала из Франции из-

за его отца...

– Видимо, твой отец омерзительнее, чем ты?

– Следи за языком, – огрызается он.

Я наступила на большую мозоль. На очень большую мозоль.

– Все эти годы ты жил во Франции? Чем занимался? – Я провожу руками по своим волосам. – Господи, как далеко все зашло?

– Тебе лучше не знать. – Он наклоняет голову. – Мы не размахиваем игрушечными пистолетами, у нас нет дополнительной жизни или денег из «Монополии». Мы покинули песочный замок и давным-давно сожгли следы его существования.

Вполне разумно. Он остается анонимом в анонимной организации, потому что стоит за всем этим. Я уверена.

И если Тобиас является вдохновителем, то для того, чтобы править, определенно существует иерархия. Если это так, то Шон – рядовой солдат, а Доминик – «мозговой центр», и, судя по его поведению, «правая рука».

Но Тобиас – дьявол, которого вы встречаете, только когда полностью облажались.

Его тон изменился, став угрожающим. Я воспринимаю его всерьез. Все зашло намного дальше, чем могла себе представить.

Не хочу в этом участвовать. Уже нет. Без них – нет.

Я едва не свихнулась от того, что мне разбили сердце.

– Я не могу расплачиваться за ошибки отца. И без того тяжело быть его дочерью. Но мне жаль, понимаешь? Мне жаль твоих родителей. И за то, что к этому причастен Роман. Но не мне просить прощения, не мне и за случившееся расплачиваться. Твоя война – с ним.

Я вздыхаю, чувствуя, как ослабла от борьбы.

– Я приехала сюда ради матери, чтобы убедиться, что о ней позаботятся и она ни в чем не будет нуждаться. Она больна. Уверена, Шон тебе об этом рассказывал. – На короткий миг я закрываю глаза. – А может, и не рассказывал, но теперь ты знаешь, какова моя цель, причина, почему я не покинула Трипл-Фоллс. Ее благополучие – мой приоритет, и я даже не могу представить, что потеряю ее. Так что мне жаль, что так получилось. Повторяю в последний раз: я тебе не враг.

Кожу покалывает от его укусов, тело сводит от желания. Я раздраженно качаю головой.

– Я понимаю, что тебе плевать на меня, ведь ты только что сорвал с моей шеи предмет, который мог гарантировать мне безопасность. Господи, как же все по-дурацки. – Я иду к краю поляны, намереваясь сохранить остатки рассудка. – С меня хватит, понял? Хватит. Черт возьми, держись от меня подальше. – Собравшись с духом, я поворачиваюсь в направлении дома.

– Тебе ничего не угрожает. – Его слова останавливают меня и ощущаются как бальзам. Я поворачиваюсь и вижу, что

он стоит рядом, словно молча за мной шел.

– Уж прости, но я тебе не верю. Королевство полностью в твоих руках. В конце лета я уеду.

– Я позабочусь об этом.

Обессиленная, позволяю ему оставить за собой последнее слово. Я чувствую его пристальный взгляд всю обратную дорогу.

Глава 5

Несколько дней спустя я сижу за туалетным столиком, разглядывая свою шею и следы от укусов на груди. Я выгляжу так, словно подверглась жестокому нападению, и в каком-то смысле так и было... но нет.

На следующее утро после нашей с Тобиасом встречи я целый час потратила на то, чтобы замазать укусы на шее, а потом обнаружила на запястье синяки и взяла на работе выходной. Отметины от укусов из красных стали фиолетовыми, поблекнув до желтого цвета, но все еще не сошли, а я пока не успела оправиться, чтобы на работе делать вид, что все в порядке.

Последние пару дней я провела в спальне, не в силах перестать думать о поцелуе и размышляя обо всем, что узнала.

Брат Доминика.

Я поцеловала его.

Но это был не просто поцелуй.

Этим поступком я предала память о них, и с этим достаточно тяжело смириться, а голова по-прежнему раскалывается от вопросов. Да и чувство вины тяготит меня, грузом притягивая за прикованную ко мне цепь.

Кто заявил на меня права: Шон или Доминик? Оба? Возненавидят ли они меня, если узнают, что я чуть не переспала с ублюдком, который разлучил нас?

Имеет ли это значение? Прошло несколько месяцев, а они не дали мне ничего, кроме безделушки. Я месяцами брела в темноте, где не за что было зацепиться, и они собирались меня удержать кулоном?

Этого мало. Очень мало. Мое презрение к их отсутствию вынудило открыто бросить вызов. И, возможно, поэтому я разделила с ним тот поцелуй.

Я почувствовала, как нить начала распутываться, как только ублюдок начал терзать мой рот. Я до сих пор чувствую его губы, чувствую, как впивается в спину скелет лесного покрова. Безжалостный поцелуй за считанные секунды превратил меня из воина в безропотную овечку. И это заставило усомниться в себе.

За последние несколько дней я провела инвентаризацию, собрала все известные детали, составила новые теории. Но как бы я ни пыталась собрать их по кусочкам – собрать по кусочкам себя, – я лишь продлеваю свое заключение.

Мне нужно отпустить ситуацию. Я обязана отпустить ситуацию. Теперь причин сделать это множество.

Потому что мучительным был не только поцелуй Тобиаса, но и тот факт, что я должна ждать и требовать большего. А люди в моей жизни мешают поверить, что я этого достойна.

Когда отца известили о моем отсутствии на заводе, пришлось ответить на его дотошное письмо и сообщить, что заболела. Его такой ответ удовлетворил, и он потерял ко мне интерес. Роман больше не поддерживает наши фальшивые

взаимоотношения. Нет смысла. Скоро он все равно от меня откупится.

Мама звонит все реже и реже. Не знаю почему – может, снова ушла в себя, но не могу же я помогать ей, если она этого не хочет. Как только она разбогатеет, возможно, попробует получить необходимую помощь специалистов. Но это не отменяет того, что в двадцать лет я чувствую себя сиротой.

Я разрешаю себе немного ненавидеть за это обоих родителей.

День за днем мои отношения с ними постепенно сводятся на нет.

Кроме Кристи, ни одной живой душе нет до меня дела настолько, чтобы быть рядом. Чтобы сделать меня приоритетом.

Может быть, исключением служит тот, кто прислал этот кулон. Но даже *у него* не хватило смелости заявить на меня права, поддержать свое заявление, свое решение. Сражаться за меня. Не так, как ему следовало бы.

И не так, как я бы того хотела.

Моя самооценка пострадала в том числе и по моей вине.

Я не могу избавиться от ощущения, что случившееся с Тобиасом не просто борьба с мужчиной, который спит и видит, как уничтожить меня, а более пристальное знакомство со своим отражением.

Я хотела его, брата Доминика.

Хотела его.

Так сильно, что питаю отвращение к тем частям тела, которых он коснулся.

В душе я безжалостно тру кожу мочалкой, пытаюсь избавиться от всех следов, радуясь жжению и одновременно с этим раздражая следы от укусов на шее и груди. Он порвал кожу вокруг соска, и в поцелуе я ощутила медный привкус вкупе с предательством.

Больной ублюдок.

Но если он больной ублюдок, кем являюсь я? Что говорит обо мне факт, что я не могу перестать представлять, что бы случилось, если бы я уступила ему? Дело не только в том, как он меня целовал. Между нами всякий раз, как он оказывается рядом, пробегает разряд, и это неопровержимый факт. Я запомнила свою первую реакцию на него, когда мы только встретились, – сочетание тревоги и шока. Сейчас все несколько изменилось. Сегодня утром, когда я проснулась, мое белье было мокрым из-за сна, где главную роль играл человек, которого я презираю, правда, это не помешало мне с легкостью довести себя до незабываемого оргазма.

Выйдя из душа, я не стираю с зеркала конденсат. Мне не хочется видеть свое отражение. Оставляя капли на мраморном полу, я ищу полотенце, которое точно оставляла на тумбе, и осторожно иду в свою комнату, чтобы достать другое из бельевого шкафа. Открыв дверь, я кричу от неожиданности, увидев умопомрачительного и опасного Тобиаса в новом идеально скроенном костюме. Мое пропавшее полотен-

це свисает с его пальцев, а сам он окидывает меня жадным взглядом.

Не обращая внимания на возникшее под его пристальным взглядом возбуждение, я указываю на дверь.

– Пошел вон.

Он продолжает оглядывать меня: от мокрых волос, прилипших к шее, до груди. В его глазах появляется недозволенное одобрение, после чего он опускает глаза на тонкую дорожку волос между ногами.

Я поворачиваюсь спиной, лишая себя права смотреть на него, резко открываю шкаф и вытаскиваю трусики и длинную футболку.

– Тебе нужно уйти, или...

– Или что? – Чувствую его спиной. Его теплое дыхание опалает кожу между лопатками, и соски тотчас напрягаются.

– Что случилось? – спрашиваю я, вытаскивая из ящика лифчик. – Я ни слова не сказала. Ничего не сделала.

Он медленно поворачивает меня к себе, заворачивает мое мокрое тело в полотенце и завязывает его. Несколько напряженных секунд мы смотрим друг на друга не отрывая взгляда, прежде чем он отходит.

– Надо поговорить. Одевайся, встретимся внизу.

* * *

Надев сарафан, я наклоняю голову, услышав с первого

этажа отчетливое брэнчание посуды. Сбитая с толку, быстро сбегая по лестнице, прохожу через столовую и вижу, как Тобиас на кухне Романа... что-то нарезает.

– Что ты делаешь? – требовательно спрашиваю я, замерев в проеме.

– Готовлю, – не отвлекаясь, кратко отвечает он.

– Ты осознаешь, что находишься на кухне Романа Хорнера?

Тобиас... ухмыляется, и я присматриваюсь к нему. Он без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, обнажившими его мускулистые предплечья с венами. От его вида мне становится жарко.

– Тебя веселит мысль, что ты стоишь на кухне врага и готовишь для его дочери?

– Знаешь, это доставляет мне удовольствие.

Он закидывает в рот оливку из открытого контейнера на кухонной стойке, как вдруг хлопает задняя дверь. Я резко подсакиваю и смотрю на Тобиаса, который ведет себя совершенно непринужденно, через секунду в дверях появляется Тайлер.

– Все чисто.

Тобиас удовлетворенно кивает. Когда Тайлер замечает меня, стоящую на другом конце кухонного островка, его взгляд смягчается. Я не могу побороть пощипывание в глазах, увидев ямочку на его щеке. Тайлер направляется ко мне.

– С нашей последней встречи ты стала еще красивее.

Чувствую любопытный взгляд Тобиаса, наблюдающего за нами.

Чем ближе подходит Тайлер, тем больше я замечаю в нем перемен. Его волосы все так же подстрижены по-военному коротко, но сейчас, с загорелой под солнцем кожей, он больше похож на островитянина. В его карих глазах блеск, который отсутствовал, когда я видела его последний раз у Дельфины. Он выглядит здоровым и счастливым. Я воздерживаюсь от того, чтобы обнять его и задать кучу вопросов, на которые отчаянно хочу получить ответы. Меня до такой степени угнетает присутствие в помещении одного ублюдка, что я чувствую себя посторонней.

Если честно, так и есть – я посторонний человек.

Мне кажется странным их нахождение в одной комнате, и это только подтверждает, что я заявила в разгар того, что началось много лет назад. Они не просто хорошо знакомы – они считают себя братьями. Неважно, насколько близкие у меня были отношения с Тайлером. Его преданность принадлежит не мне, а Тобиасу, испепеляющему нас глазами.

Тайлер останавливается в полуметре от меня, вся его поза выражает сомнение.

– Я соскучился, красотка.

Скрестив на груди руки, я перевожу на него взгляд.

– О, неужели ты вспомнил о моем существовании?

Он вздыхает.

– Я знаю, что ты сердишься...

– Сержусь? – фыркаю я. – Это мягко сказано.

– Си...

Я качаю головой, не желая слушать его дурацкие оправдания.

– Не утруждайся. Что ты тут делаешь?

Он морщится.

– Дела.

Я бросаю взгляд на Тобиаса, который беспардонно отвечает мне тем же самым. Секунды тянутся, но он не собирается давать мне объяснения. Тайлер понимает, какая царит в комнате атмосфера, и, указав большим пальцем себе за плечо, откашливается.

– Мне надо идти.

Тобиас кивает.

– Свяжусь с тобой позже.

– Договорились, друг. – Тайлер смотрит на меня, не желая уходить. – Рад был повидаться, Си.

Я не достаиваю его ответом. В груди болит, когда он на мгновение задерживается, прежде чем уйти. Он уже на выходе из кухни, когда меня вдруг озаряет.

– Это был ты? – Я смотрю на Тобиаса, который крепко сжимает челюсти, а потом перевожу взгляд на Тайлера. – Ты обещал быть рядом, прикрывать меня. Я считала тебя другом.

– И я прикрою тебя. Всегда. – Тайлер подходит ко мне и берет за руку. – Я твой друг, – заверяет он, бросает взгляд на

Тобиаса и обратно на меня. – Нет, Си, я не оставлял кулон. И поверь мне, я за это расплачиваюсь.

И я ему верю. Он был рядом с самого начала. Мысль, что он сдал меня, Шона и Доминика, нелепа и была бы оскорбительной, не отвернись он от меня.

– Я знаю, – не без сожаления признаюсь и глотаю подстувивший к горлу ком. Я поднимаю глаза и сержусь на дрожь в своем голосе. – Я так на тебя зла.

– Знаю. И он тоже. – Тайлер кивает на Тобиаса. Наклоняется и целует меня в щеку. – Извини. Просто хотел сказать тебе спасибо.

Не дав времени спросить, за что он меня благодарит, Тайлер отворачивается и размашистым шагом выходит через черный ход. Спустя секунду дверь с тихим щелчком закрывается.

Повисает долгое напряженное молчание, Тобиас возвращается к готовке.

Провожу пальцами по влажным волосам и с помощью резинки завязываю их в небрежный пучок.

– Что у него за дела?

Тобиас смотрит на след от укуса и отвечает:

– Он осмотрел дом и установил систему безопасности.

– Доминик настроил ее несколько месяцев назад.

Тобиас замирает с ножом в руке.

– Ну, значит, мы установили ее заново. – Резкость его тона походит на лезвие ножа, который он применяет против...

несчастливых помидоров.

Я сажусь на табурет за кухонным островком и не могу удержаться от вопросов.

– Почему ты здесь... занимаешься этим? – Я указываю на то, как он умело нарезает огурец.

Тобиас замирает с ножом, бросает на меня взгляд и снова продолжает орудовать ножом.

– Мы поужинаем и поговорим.

– Зачем?

– Затем, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не стать монстром, которым ты меня делаешь. Это бизнес.

– Что конкретно ты надеешься от меня получить? Дружбу? – Я недоверчиво фыркаю. – Не можешь смириться с фактом, что я презираю...

Тобиас поднимает на меня горящие глаза.

– Нет, не дружбу. И мне насрать на то, что ты меня ненавидишь.

– А что тогда?

– О Господи! – Он резко бросает нож. – Я приготовлю ужин. Ты его съешь. Мы поговорим, и я уйду.

– Ладно!

– Ладно! Bordel de merde!³

Я встаю, резко открываю холодильник, вытаскиваю две бутылки с водой и с грохотом ставлю перед ним.

– Держи!

³ Черт возьми! (фр.)

– Спасибо, мать твою, – огрызается Тобиас и откупоривает бутылку.

На долю секунды наши взгляды встречаются, и мы заливаемся смехом. Меня ослепляет вид его смеющегося лица. Это неправильно, очень неправильно. Я не могу – и не стану – любоваться весельем в его глазах, ослепительно белой улыбкой или контрастом накрахмаленной белой рубашки на его темной коже. Я не могу восхищаться его скулами, или шириной плеч, или видом ремня на узкой талии. Я мысленно возвращаюсь на поляну, где стою перед ним на коленях, и представляю, как накидываюсь на него.

Я понимаю, что он перестал смеяться и видит, как поднимается и опускается моя грудь, замечает выражение моего лица. Он встает по другую сторону, и его взгляд темнеет.

Положив нож, он проводит рукой по волосам и обхватывает себя за шею, когда заговаривает низким голосом:

– Случившееся той ночью... – он бросает на меня взгляд, – спишем на любопытство.

– Хочешь сказать, что это был не ты, но выглядел как ты?

– Ты ни черта обо мне не знаешь.

– А я и не хочу.

Он проводит ребром ладони по столу, собирая нарезанные овощи в миску. Снова повисает напряженная тишина, но я не отдаю должное за намек на чувство вины, которое он показывает. Даже если бы он произнес самые искренние извинения, меня бы они все равно не удовлетворили.

– Если это был не Тайлер, значит, кто-то другой с собрания рассказал тебе о моем присутствии. Ведь так ты обо мне узнал?

Он на миг замирает, словно обдумывая ответ, а затем кивает.

– Команда из Майами. С некоторыми из них у нас сложности в плане лояльности.

– Из-за водителя, который чуть не убил Шона? Того, которого проучил Доминик?

Тобиас кивает.

– Одна из причин.

– Так я и думала.

– Сейчас у нас с братом разногласия из-за его чрезмерной агрессии. Но не могу сказать, что виню его за это.

Тобиас поворачивается к плите и помешивает пасту, а мне странно видеть его в домашней обстановке. Он скорее похож на успешного предпринимателя. На принципиального карьериста. На того, кто управляет компаниями и трахает свою секретаршу. Ее юбка задрана до бедер, а он входит в нее, затягиваясь дорогой сигарой.

Тобиас точно не из тех, кто выполняет черную работу вроде походов в продуктовый магазин. Вот только все не то, чем кажется, когда дело касается этих окрыленных ублюдков.

– Я чувствую, что ты на меня смотришь, – говорит он, стоя ко мне спиной.

– Спешим на любопытство, – возвращаю сказанные им

слова. – Ты ездил в магазин?

– В место, где ты обычно покупаешь еду, а потом ее готовишь.

– Умная задница.

– Чувствую, что на нее ты тоже смотришь.

Чувствуя себя виноватой, я отвожу взгляд.

– Ты очень непринужденно ведешь себя на этой кухне. А если сейчас сюда войдет мой отец?

Тобиас оглядывается через плечо, смотря на меня, и я понимаю, что сказала лишнее.

– Проехали, ты наверняка знаешь его график утренних походов в туалет.

На этот раз Тобиас поворачивается ко мне и обхватывает стойку руками.

– Твой отец сейчас в самолете. И единственное, что он обо мне знает, как я получил выплаты от него, когда он сделал меня одиннадцатилетним сиротой. Уверен, ему стало плевать, что с нами, в ту же минуту, как он от нас откупился.

Тобиасу было одиннадцать – значит, сейчас ему примерно тридцать один.

– Ты уверен, что он виновен?

– Я уверен, что он скрыл случившееся. Уверен, что он чертовски продажный в деловых отношениях, а этого уже достаточно. Но дело не только во мне. Мои мотивы не настолько эгоистичны.

– Я этого и не говорила.

– Это бизнес.

– Бизнес. Выходит, тот поцелуй тоже был ради бизнеса?

– Я доказывал правоту, и единственная причина нашего разговора в том, что ты ставишь это под сомнение.

– Если это предложение, то я в нем не заинтересована. Занимайся своими делами в другом месте. Разговор бесполезен, как и твое присутствие в этом доме. Я уже говорила, что не мне расплачиваться за его ошибки, а ты не имеешь права голоса в моей жизни. Я тебе ничего не должна. И на этом наши дороги расходятся, так что ты знаешь, где выход.

Тобиас молнией подлетает ко мне и больно сжимает рукой мой подбородок.

– Мое любопытство вызвано тем, что два человека, которым я доверял больше всего в этом странном мире, солгали мне и все испортили. Думаю, ты знаешь, насколько это мерзкое чувство. Уверен, *недавно* ты и сама его испытала.

Проходит несколько долгих секунд, после чего Тобиас продолжает:

– Я потратил большую половину жизни, строя планы и приводя их в действие, пока не появилась ты... – Он сжимает пальцы сильнее, и мне приходится сжать губы. – Я очень пытаюсь вести с тобой беседу как со взрослым человеком. Я был зол и до сих пор злюсь, и гнев утихнет нескоро. Но я сделаю все, что в моих силах, попытаюсь обсудить с тобой происходящее, потому что так поступают взрослые люди. А теперь я тебя отпущу, и ты будешь сотрудничать со мной,

потому что, нравится тебе или нет, нам нужно прийти к деловому соглашению. Сейчас у нас обоих на руках козыри. И, возможно, если ты будешь вести себя хорошо, я отвечу на пару твоих вопросов. Разговор – это все, о чем я прошу. Если бы меня интересовал интим с тобой, – он замолкает и опускает глаза на мою вздымающуюся грудь, – я бы уже тебя взял. Мое терпение на исходе, поэтому я объявляю временное перемирие, чтобы мы могли уладить все до того, как не стало хуже. Моргни один раз, если согласна. Дважды, если не согласна.

Разъяренная, я пытаюсь вырваться, и его глаза предупредительно вспыхивают.

Моргаю один раз.

Тобиас отпускает меня, и я разминаю челюсть, чтобы унять боль.

– Господи, ну ты и мудака. – Он отводит взгляд и возвращается к плите. – Так вот как ты поступаешь с женщинами? Вламываешься в их дома, оскорбляешь, а затем насильно кормишь?

Он достает из шкафа дуршлаг и сушит лапшу.

– Ума не приложу, как долго женщины терпят такое отношение. Да и какую жизнь можно построить с человеком, если основывать ее на лжи?

– На доверии, – поправляет Тобиас. – Она основана на доверии, а не на лжи. И сейчас оно на исходе.

– Ты говоришь о доверии. Я говорю про умолчание и недо-

сказанность. Во всяком случае, это то, что я извлекла из случившегося.

– Зависит от человека, с которым ты встречаешься.

– Хорошо, что я *ни с кем* не встречаюсь.

Тобиас и взглядом меня не удостаивает, когда ставит пасту под холодную воду.

– Твои чувства делают тебя безрассудной, Сесилия, а это чертовски вредит бизнесу. Когда мы познакомились, я говорил тебе: ты хранила им верность по глупым причинам.

– Ты имеешь в виду любовь. Но этой причины больше не существует. Я продолжаю жить. Снова хожу на свидания. Ты сам это знаешь.

Он смотрит на меня, недоверчиво приподняв брови.

Я копирую его позу и поднимаю голову.

– погоди... так вот в чем проблема? Потому что я хожу на свидания, пытаюсь жить дальше, а ты думаешь, что я разболтаю твои тайны следующему же парню, что ляжет в мою постель?

Его молчание бесит.

– Знаешь, до сих пор я пребывала в гораздо худшем состоянии. Злилась, сильно обижалась, но все же не проронила ни словечка. Даже самым близким людям. Твои умозаключения возмутительны.

Он и глазом не моргает.

– Ты ждала. И, следовательно, хранила верность. Хоть на секунду подумай об этом беспристрастно. На моем месте ты

бы доверила судьбу всей своей чертовой операции эмоциональной мал... – Тобиас закатывает глаза, увидев выражение моего лица, – *двадцатилетней женщине*.

– Может, стоило подумать об этом до того, как ты...

Он с иронией качает головой.

– До того, как отправил твоих парней восвояси? Ты продолжаешь доказывать мою правоту. И если мы будем следовать хронологии событий...

– Не смей заканчивать это предложение! Ты нанес мне столько оскорблений, что на всю жизнь хватит. Ты сексистская свинья!

– Думай что хочешь, но я *дважды* видел, как ты позволяешь эмоциям брать верх над здравомыслием, и не желаю рисковать.

Меня осеняет.

– Мы не разговариваем. Мы ведем *переговоры*.

Тобиас явился, чтобы заключить сделку.

Я ни разу за время проживания здесь не воспользовалась своим положением. Но прекрасно запомнила, что за все приходится платить. И, кажется, была единственной, кто расплачивался за все. До текущего момента.

– Ты и правда не веришь, что любовь и верность связаны?

– Два разных мира с двумя четкими определениями. Но если поищешь синонимы любви, – говорит он, внимательно смотря мне в глаза, – уверяю, среди них ты найдешь слабость.

– И что конкретно ты предлагаешь? Ты забрал единственное...

Он поднимает брови.

Мое наследство.

– Моя мать.

– Если я перееду сейчас, то потеряю все. Все. Но я пока не могу воспользоваться этой возможностью?

Он пожимает плечами.

– Итак, чего стоят еще несколько месяцев.

Вот его козырь. Он будет ждать, не пойдет в наступление на моего отца, пока я не получу наследство. Шон сказал, что попытается его удержать, а я всего несколько ночей назад призналась Тобиасу, с какой целью сюда приехала. Неважно, откуда у него информация, – это в любом случае рычаг давления.

Вот черт.

Время явить свой козырь, но мы и так его знаем – мое молчание. Если я заговорю, то смогу помешать ему забрать мое наследство и совершить месть. Он замечает это в ту же минуту, как я принимаю решение.

Тобиас поднимает подбородок.

– Назови цену.

– Ты действительно не веришь, что я смогу держать язык за зубами без шантажа?

– Это не шантаж. И то, что тебя на самом деле волнует, доверяю ли я тебе? Ни черта. Не принимай близко к сердцу.

Я открываю рот, чтобы достойно ответить, но Тобиас поднимает руку.

– Прибереги оскорбления на десерт. Тебе нужно подумать, чего ты на самом деле хочешь.

Хочу, чтобы он заплатил. Вот чего я хочу. Хочу лишить его уверенности, унижить так, как он унижил меня. Хочу задеть его гордость и чувства, если он на них способен. Мне в голову приходит мысль.

Его глаза вспыхивают, когда он читает в выражении моего лица цену.

– Сесилия...

– Обещай безопасность моего отца.

– Ты шутишь. – Он чертыхается и, недоверчиво качает головой.

– Это единственное, чего я хочу. Может, он и заслуживает того, что ты сделаешь с ним в финансовом плане, но ты сам сказал, что никогда не навредишь ему физически. Так что плохого, если ты в этом поклянешься?

– Как я уже сказал, у него есть и другие враги.

– Ты их знаешь?

Кивок.

– Еще лучше. Ты за ним присмотришь.

– Сесилия, ты слишком много ставишь на кон. Он все равно пойдет ко дну. Когда это произойдет, зависит от тебя.

Я кладу ладонь на стол и наклоняюсь.

– Хочешь купить мою верность? Тогда дождись, когда

деньги окажутся на моем банковском счету, и поручись за безопасность моего отца.

– Ты просишь слишком многого.

– Тобиас, он – мой отец. Уверяю тебя, он за все заплатит. Этот человек уже банкрот по жизни. Компания – смысл его существования. Ты заберешь ее, и гарантирую, что заберешь у него все. Просто дай ему шанс сделать что-то другое с его жизнью после того, как покончишь с ним. – Я обхожу стойку и смотрю на него. Тобиас возвышается надо мной, его тело дрожит от гнева, а на лице застыло мрачное выражение. – Ты лишишь его богатства и статуса, и у него ничего не останется. Трупу мстить нельзя. Считай это защитой своих интересов.

– Я уже говорил тебе, что дело не только во мне.

– Но победа намного слаще, если ты получишь контроль, а ему придется за этим наблюдать.

Приблизительно минуту мы играем в гляделки, прежде чем он наконец кивает.

– Словами, Тобиас.

– С этой минуты и до тех пор, пока мы с ним не покончим, он под нашей защитой.

– Поклянись.

Его глаза вспыхивают.

– Я не стану повторять.

– Хорошо. И что теперь?

Тобиас кивает в сторону разделочной доски.

– Ужин.

Глава 6

Тобиас сидит на полу напротив меня в брюках и накрахмаленной рубашке, с взъерошенными волосами. Он изучает фигуры на доске, а потом забирает одну из моих пешек.

Ужин, который скорее был битвой двух характеров, в основном прошел молча, пока Тобиас наблюдал за тем, как я ем. Я не удостоила похвалой его готовку и не поблагодарила, но и не упрямилась, съев цыпленка и греческий салат до последней крошки, едва сдерживая стон удовлетворения. Я предполагала, что Тобиас уйдет, как только добьется своего. Однако вместо этого он велел мне идти в гостиную, объявив, что мы сыграем в шахматы.

Во время первой игры он сделал меня подчистую, что неудивительно. Если бы не его общество, я бы померла со скуки. Я выбрасываю из головы эту мысль, пытаюсь не обращать внимания на то, как он воздействует на меня с расстояния одного метра. Сидеть напротив него было нелегко. Меня утомляло бороться с электрическими разрядами, возникающими в его присутствии.

Ненависть к нему, как и влечение, продолжают расти. В присутствии Тобиаса я всегда зла и возбуждена. Когда я ловлю на себе его горящий взгляд, то замечаю, как он наблюдает за мной.

Дело не в его тактике запугивания или власти, которой

он обладает. Дело в интимности, которую я ощутила в том поцелуе, и факте, что его слова и действия во всех смыслах ему противоречат.

Дважды я замечала, как он смотрит на меня с любопытством, и дважды он удерживал меня в заложниках своим янтарным взглядом. Но никто из нас не сказал ни слова по этому поводу.

Да и что тут скажешь?

Ни один из нас не хочет желать другого. Никто из нас не хочет чувствовать что-то кроме ненависти и презрения, но это влечение настолько сильное, очевидное и неприкрытое, что обескураживает.

Я буду чрезвычайно рада не признавать его до самого финала нашего соглашения. Но факт существования Тобиаса само по себе открытие. Он – сущая загадка. Если бы в тот день у бассейна он не пришел, я так бы и оставалась в неведении. Меня тревожит, что Доминик и Шон с такой легкостью держали его в секрете.

Отлично сыграно, ребята, отлично сыграно.

Эти мужчины искусно вводят в заблуждение и преподносят его под видом доверия. Но теперь, вспоминая начало, я вижу картину в целом. И на самом деле не знаю, что еще за всем этим скрывается.

– Это все равно невероятно, – говорю я и двигаю пешку, но ее тут же сметают. Тобиас предвидел все мои ходы с тех пор, как почти год назад пришел в мою жизнь.

– С чего бы? – Он прекрасно знает, о чем я говорю, и это еще сильнее выбивает меня из колеи. Предугадывание чужих мыслей – признак близости.

Я разочарованно вздыхаю. Придется выбирать слова. Вместо этого я решаю промолчать. Игры разума выматывают.

– Знаешь, – говорит он, понимая, что я не желаю обдумывать свой выбор слов, – когда забираешь украденное ворами, они не могут заявить об этом в полицию.

– Это мне известно, но ведь какие-то ответные меры они принимают?

– Да, по глупости и *часто*. – Он забирает моего коня. – И почему это невероятно? Разве ты не увидела достаточно?

– В некотором смысле да, но...

– Но что? Слишком не по себе от увиденного? В этом и заключается вся прелесть. Ты ни секунды не можешь поверить в то, что происходит у тебя на заднем дворе, и с этим осознанием смириться труднее всего.

– Верно.

Тобиас внимательно изучает мое лицо, и его янтарные глаза вспыхивают.

– Тебе ведь известно о существовании преступных группировок? Но ты никогда не оказывалась в таком окружении? Ни разу не становилась свидетелем перестрелки и не видела посвящения?

– Верно.

Он наклоняется и скрещивает на груди руки, сделав перерыв в игре.

– Ты веришь в существование картеля?

– Да.

– Мафии?

– Конечно.

– Почему? Потому что видела фильм «Славные парни»? – С улыбкой на губах Тобиас качает головой. – Но почему тебе так сложно поверить, что несколько людей объединились по причине, которую посчитали достаточно уважительной для оправдания крайних мер в попытке вызвать перемены?

– Просто это так...

– Когда тебя ввели в дело, ты была точно такой же несведущей, пока сама не увидела.

– Да.

– И ты только что призналась, что все это невероятно. Выходит, разумно предположить, что твое невежество разделяет большинство?

Обдумав сказанное, я киваю.

– Да, я так считаю.

– Для многих видеть – значит верить, а это чертовски убого.

– Мне говорили это сотни раз.

Тобиас улыбается, но я вижу в его глазах гордость. Гордость учителя.

– Шон.

Ты.

– Картели коррумпированы, – произношу я и делаю ход, – как и мафия.

Я смотрю ему в глаза.

– И еще... – Ты. И они всем этим занимаются: от шантажа и грабежей до мелких краж. Братство Ворона так же коррумпировано, так же выступает против закона, как и любая другая радикальная группировка. – Итак, это зло против меньшего зла?

Тобиас кивает, чтобы я сделала ход. Как только я его делаю, его ответный ход приносит ему преимущество в игре.

– Чем ты это оправдываешь? Что тебя отличает? Факт, что ты не причиняешь вред невинным людям?

– Если считаешь, что тебе не грозит опасность, то ты не такая умная, как я считал. Как только мы выбираем цель для уничтожения, то сами оказываемся под прицелом – все мы, без исключений. В подобных войнах нет правил для невинных. Боевые потери из-за объявления войны сводятся к людской порядочности. Независимо от того, хватает ли нашему противнику человечности, чтобы оставить невинных в стороне.

Он доказывает свои слова, сбив с шахматной доски мою пешку.

– Может, закончим игру?

– Нет, – быстро отвечает Тобиас. – Я в трех ходах от победы.

Я делаю ход, а он уже поднимает своего коня.

– Татуировка – очень глупая затея, тебе не кажется? Инкриминирующая. Как ты собираешься все это скрыть?

– У любого обвиняемого всегда есть бремя доказательств⁴.

– Не слишком ли высокомерно звучит?

– Нет, это не высокомерие. Всегда будет бремя доказательства, как и исключение из правил. Я жду. Жду противодействия. Жду возмездия. Жду, что меня удивит человеческая натура. Наглядный тому пример – помеха в виде тебя. Но не питай иллюзий, Сесилия. Америка – это корпорация, бизнес. Твоему отцу это известно. Любой, кто обладает властью, сражаясь под флагом, это знает. Роман не дурак. Ему хорошо известно, что у него есть враги, хотя он может не знать их в лицо. А еще ему известно, что один неверный шаг может лишить его всего. Так бывает со *всеми* игроками. И на каждого человека, занимающего влиятельное или важное положение, всегда найдется тот, кто будет ждать своего часа, чтобы найти слабость, предвидеть следующий шаг и попытаться забрать то, что ему не принадлежит.

Тобиас двигает своего коня вперед. Шах и мат.

– Мы сделали всего лишь два хода, – указываю я.

Я замечаю едва уловимую, но знакомую улыбку на его губах. Когда он поднимает на меня взгляд и замечает мою ре-

⁴ Обязательство одной из сторон в споре предоставить достаточное обоснование своей позиции.

акцию, то приподнимает брови.

– Что?

– Ничего.

– Ты увидела во мне Доминика.

– С чего ты так решил?

– Ты впервые за сегодняшний день не смотришь на меня так, словно хочешь убить или переспать.

– Я не хочу с тобой переспать. А вот убийство звучит заманчиво.

– Может, однажды тебе представится возможность. – Он демонстрирует другую улыбку – ту, которая показывает его настоящего, и я пытаюсь не терять голову при виде нее. Почему ему обязательно быть таким красивым? Почему он не может быть непривлекательным? С этим смириться было бы проще. И от мысли, что я пожирала его глазами, а он заметил, становится тошно.

Но я начинаю понимать корень своего влечения. Когда я смотрю на него, вижу Доминика и Шона. Когда он говорит, слышу их голоса. Должно быть, я все еще смотрю на него, потому что он кивает, подталкивая меня к действию.

– Что?

– Ты настоящий шарлатан.

Тобиас сводит брови.

– Объясни.

– Нет.

Он садится у камина и допивает джин, который налил се-

бе из роскошного бара моего отца.

– Выходит, если ты знаешь, что встреча с достойным противником – дело времени. . .

Он смотрит на меня.

Бесстрашный. Он бесстрашен.

Он ждет, что однажды кто-то его перехитрит. Ждет, что расплатится перед нажитыми врагами своей жизнью и жизнями людей, с которыми связан, и с этим знанием живет каждый день.

Все они знают.

По сути, они солдаты.

Меня возмущает, что за это я проникаюсь к Тобиасу уважением.

Тобиас встает и берет с дивана пиджак. Надевает его, не сводя с меня глаз. Я медленно поднимаюсь, пытаюсь понять, в чем он гипотетически признался, но голова идет кругом.

– Безопасность поистине иллюзия, – прихожу я к выводу. Счастливое неведение покинуло меня.

Тобиас опускает голову.

– И обладает огромным могуществом. Но как только ты миришься с этим утверждением, легче идти на риск в поисках более значимых наград. Но это не оправдание глупым поступкам.

В его словах есть правда. При любом раскладе безопасность – иллюзия. Я могу запереться дома на все замки, но шторм сорвет крышу над головой. Могу оберегать свое серд-

це и никого в него не пускать, но все равно чувствовать боль от одиночества. Могу каждый день из страха делать правильные ходы, но одно движение руки – и меня обыграют.

Каждое решение, что мы принимаем в жизни, – ход, наши противники невидимы. Будь то враг, или болезнь, или соперник, с которым ты спишь, – тебе не дано это узнать, пока противник не заявит о себе.

Логика Тобиаса заключается в том, что все мы – пешки, которыми играют невидимые противники, и один неверный ход или решение мешает нам раскрыть своего врага. Просто оказавшись среди опасных мужчин, я могла поменять своих противников и выстроить свою жизнь иначе. До этого момента я верила, что в какой-то степени бессмертна, но Тобиас правдой только что лишил меня этой веры.

Полагаю, у каждого бывает такой момент, но, как и все, что я открыла за последний год, мое осознание наступило гораздо раньше. Похоже, Тобиас чувствует мой страх, потому что делает шаг ко мне, но спохватывается, разворачивается и выходит из комнаты, закрыв за собой входную дверь.

– Спасибо за ужин и вынос мозга, – бурчу я и, выглянув через покрытое инеем продолговатое окно возле двери, вижу, как он уезжает на черном седане. Машинально запираю дверь и включаю сигнализацию, но спустя секунду осознаю иронию происходящего и смеюсь.

Я заключила сделку с дьяволом, что сохраню его секрет, если он обеспечит моему отцу безопасность. Но безопас-

ность – это иллюзия, и, выходит, его часть сделки выполнить невозможно.

До меня доходит, что мое неминуемое осознание было третьим ходом Тобиаса.

Его истинным шахом и матом.

Я качаю головой и с опаской плетусь по лестнице в спальню.

– Bâtard⁵.

⁵ Ублюдок (*фр.*).

Глава 7

Сонно потирая глаза, потягиваюсь в кровати, вспоминая отрывки последнего сна. Говорят, сны – способ подсознания осмыслить то, что пытаешься избежать. Я столько лет воспроизвожу их по памяти, что свято верю в это утверждение. Прешлой ночью мне приснилось солнце, оно находилось так близко, что можно было протянуть руку и коснуться его. Но его жар не обжигал. Это было приятное тепло. А затем сгустились тучи и разверзлись небеса. Я почувствовала на лице прохладную морось, а вскоре вдали показалась радуга. Еще несколько шагов – и я могла бы до них добраться.

В мгновение ока все пропало, и я в одиночестве лежала на поляне, глядя в безжизненное небо. Ветер донес до меня голос матери, зовущей домой, но я не обратила внимания на ее мольбы, пытаюсь отыскать свое пропавшее солнце.

В глазах стоят слезы, и я скидываю одеяло.

Открываю застекленные двери, ведущие на балкон. Меня встречает утро, волосами играет ветер, и я приветствую новый летний день. Если по чему-то я и буду скучать в особняке Романа, так это по виду.

Мое внимание привлекает всплеск воды в бассейне. Ее поверхность рассекают сильные мужские руки, которые поднимают небольшую, но сильную волну. Раньше, когда он закатывал рукава, я не замечала его татуировки. Я рассматри-

ваю крылья ворона вдоль лопаток, закрепляющие его положение в королевской иерархии. Как бы мне хотелось выжечь их. Он не достоин двух своих братьев (неважно, кровные они ему или нет), которые беззаветно преданы ему.

Еще одной издевкой я могу назвать его великолепную внешность, рельефные мышцы и гладкую кожу. Тобиас плавно скользит по воде, отталкиваясь мускулистыми ногами. С минуту я люблюсь им, его напряженными мышцами, спортивным телом, по которому стекает вода, а затем он поворачивается, чтобы сделать еще один круг.

Могущественный, грозный, пугающий. Бессердечный и бездушный хищник.

И теперь он вторгся в мои владения, сплел наши жизни с целью доказать свою правоту, что временно я принадлежу ему.

На оставленном на краю бассейна полотенце звонит один из трех телефонов. В двух из них я узнаю модель одноразовых мобильных телефонов, которыми пользовался Шон. Слышу тихое «Oui?» и направляюсь к нему.

Когда я подхожу к бассейну, Тобиас яростно раздает приказы и чертыхается, чередуя английский и французский. Он стоит ко мне спиной, а я осторожно слушаю и ничего не могу разобрать, кроме того, что он зол. Его иностранная речь звучит плавно, хрипло, сексуально и обольстительно. Выпрямившись, он поворачивается и видит, как я бесстыдно его подслушиваю. Резко отдав последний приказ, Тобиас закан-

чивает разговор, откидывает телефон к остальным и опирается руками о бортик бассейна.

– Звучало серьезно.

– И что, по-твоему, ты слышала?

– Le чмок, le тьфу, – я задираю нос и старательно изображаю французского сноба, – le пля, le гав, снова тьфу, а потом merde⁶.

Мы смотрим друг на друга, а уже через секунду Тобиас запрокидывает голову и хохочет. Я старательно игнорирую желание улыбнуться, скрещиваю руки на груди и встаю, оставив бедро.

– Я не очень хорошо говорю на французском. *Пока*. Но будь начеку, Француз.

Его смех стихает, он качает головой, хохотнув, после чего окидывает меня веселым взглядом.

– Итак, какую проблему ты решаешь сегодня?

– Не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, просто любопытно, зачем ты опять пришел. У тебя своего дома нет?

– У меня их много.

– Тогда зачем пришел в мой?

– Просто пользуюсь своим положением. Тебе тоже стоит делать это. Вода теплая. – Он разглядывает мою одежду.

– Пожалуй, откажусь. Seriously, нельзя решать свои проблемы в другом месте?

⁶ Дерьмо (фр.).

– Существует два способа решения проблем, – начинает он, и я пренебрежительно закатываю глаза.

– Прекрасно, очередная лекция.

– И два типа людей, – совершенно невозмутимо продолжает Тобиас. – Некоторые каждый день будут проходить мимо мешающей ворсинки или бумажки, лежащей на полу, и убеждать себя, что подберут ее. А другие поднимут сразу же, как заметят. Они узнают, откуда взялся этот листок, выбросят и забудут о его существовании. Но для тех, кто каждый день проходит мимо, это превратится в проблему. Она начнет напоминать гноящуюся ранку. Еще одна незадача, которую нужно разрешить. Еще одна горошинка на тарелке. Они начнут искать ее, ее присутствие станет помехой, но будут убеждать себя, что завтра ее уберут. Пока однажды это не станет напоминать скорее кризис совести, чем горошину.

– Дай угадаю. На твоей тарелке горошин не бывает.

Уголок его пухлых губ презрительно приподнял, когда он отвечает:

– Я охренеть как ненавижу горох.

– Это лишь пылинка.

– Только для человека, который ее поднял.

– И Конфуций изрек: подними пылинку. Ладно, есть еще какая-нибудь мудрость, который ты хочешь сегодня поделиться перед тем, как *уйдешь*? Мне теперь каждый день рассчитывать на твое внезапное и нежелательное появление?

– Тебе придется смириться, что я буду там, где мне нужно

находиться, пока мы не завершим наше дело.

– Ну и ладно. А теперь я откланиваюсь, займусь более интересными делами, чем позволю тебе и дальше иметь мне мозги.

– Не стоит так резко отвергать то, что я предлагаю, Сесилия. Мы могли бы друг у друга поучиться.

– Чтобы ты и дальше пытался меня расколоть в надежде получить информацию о моем отце? Пожалуй, откажусь.

– Я и без того много знаю, но дьявол кроется в деталях. Знай своего противника.

– Мне неинтересно узнавать тебя.

– Твой взгляд говорит об обратном.

Он не ухмыляется, в его тоне, не оставляющем места для возражений, нет и намека на самодовольство. Возможно, он чувствует мое влечение так же легко, как чувствую его я. Еще одна причина, почему он – проклятие на мою голову.

– Не стану отрицать твою красоту, Тобиас. Уверена, ты часто пользовался ей ради выгоды.

Непринужденно рассекая воду руками, он решительно плывет ко мне, стоящей на противоположной стороне бассейна. Похоть обволакивает меня с головы до пят, но я не схожу с места и не протестую, когда он вылезает из бассейна и возвышается надо мной, намеренно вторгаясь в мое личное пространство. По его мускулистому телу стекает вода. Время идет, вода продолжает с него стекать, я намокаю. Он ничего не упускает, устремляя взгляд на мои соски.

– Ты хочешь то, что я предлагаю. Просто слишком упряма, чтобы попросить. Но эта просьба так и вертится у тебя на кончике языка.

– Я хочу, чтобы ты ушел.

Тобиас подходит ближе, и прохладные капли падают мне на грудь и ноги.

– Ты хочешь доверия, которое я не могу тебе дать.

– Мне ничего от тебя не нужно. – Я разворачиваюсь, и в попытке остановить он хватает меня за руку.

Я смотрю на него, а он глядит на меня сверху вниз, увлажняя мою майку и шорты.

– Я не могу тебе доверять. Ты ищешь чуда. Но оно слишком дорогое и позволить себе ты его не можешь. Но мы можем поучиться друг у друга.

– И чему именно ты можешь меня научить? – Я поднимаю руки и провожу ими по его плечам, спускаюсь ниже, впиваясь ногтями во влажную кожу, и удовлетворенно замечаю, как он напрягается, прежде чем медленно поднимаю на него глаза. Тобиас перехватывает мои руки и, сжав их, отпускает.

– Повторю еще раз: мы можем поучиться друг у друга.

Я хмыкаю.

– И чему, по-твоему, ты можешь научиться у горошинки?

Его взгляд меняется, это заставляет меня колебаться, но все же решаю не обращать на это внимания. Это всего лишь очередная игра разума, в которой я не желаю ему потакать.

– Тобиас, я тебе не по карману. Тебе не по силам приоб-

рести мою валюту.

Живот крутит от напряжения, наше дыхание сливается воедино.

– У тебя есть вопросы. Задавай их, Сесилия.

Я отвожу взгляд, не обращая внимания на разлившийся по венам жар. Одна секунда, другая, и он наклоняется.

– Мое предложение не имеет никакого отношения к твоему взгляду, но если бы я коснулся тебя, – он хрипло растягивает слова, – так, как тебе хочется, ты бы не посмела мне отказать.

– Твое поведение становится предсказуемым.

– Да? – шепчет Тобиас. – Тогда я его изменю. – Он наклоняется, и под его теплым дыханием прохладная капля у меня на шее высыхает. – Спрашивай, Сесилия.

Я отворачиваюсь, чтобы помешать ему смотреть мне в глаза.

– Будь по-твоему.

На другом конце бассейна звонит телефон, и мы оба смотрим в ту сторону, после чего Тобиас поворачивается ко мне спиной. В его плечах заметно напряжение, когда он направляется к телефону, а я возвращаюсь в дом. Я подхожу к двери, когда Тобиас уже огрызается на кого-то по телефону. Нет необходимости оглядываться, я и так знаю, что он смотрит на меня. Его обжигающий взгляд я ощущаю за версту.

Глава 8

Раздраженная видом стоящего на подъездной дорожке «Ягуара», вхожу в дом, готовая к очередному сражению, но слышу доносящуюся с кухни раздраженную речь на французском.

– Trouvez-le⁷.

Короткая пауза.

– Pas d'excuses. Vous avez une heure⁸.

Тобиас заканчивает разговор как раз в тот момент, когда я появляюсь в поле его зрения. Он выглядит озадаченным, что-то яростно печатая на ноутбуке, стоящем на кухонном островке. Прошло всего несколько дней с момента нашей ссоры у бассейна, но теперь ясно, что он твердо намерен извлечь выгоду из своего положения.

– Не потрудишься объяснить, какого черта ты здесь делаешь? – Я прохожу мимо него и открываю холодильник, чтобы достать воду. После похода я покрыта потом. Тобиас едва достаивает меня взглядом.

– Защищаю свои интересы.

– Может, получится заниматься этим в другом месте, желательно вдали от моего дома?

Он пристально смотрит на экран, а потом резко закрывает

⁷ Найди его (*фр.*).

⁸ Никаких отговорок. У тебя час (*фр.*).

крышку ноутбука.

– Putain!⁹

Шумно дыша, берет со столешницы один из телефонов и набирает чей-то номер.

– Приведи сюда новенького. Десять минут.

Тобиас проходит через всю кухню, берет ближайшую бутылку джина и наливает его в стакан, наполненный льдом. В глубоких раздумьях он болтает прозрачной жидкостью, заставляя кубики льда позвякивать, прежде чем сделать глоток.

– Не рановато для коктейлей?

Молчание.

– Вот и поговорили, – закатываю я глаза. Я уже на полпути в столовую, когда за спиной раздается голос.

– Знаешь, ты ошибаешься. Эти люди не такие, как ты и твоя мать.

– Что?

– В первый наш разговор ты сказала, что я вел войну за людей вроде тебя и твоей матери.

– Да, и в чем я ошибаюсь?

– Да во всем, – огрызается Тобиас. – Во всем. Ты хочешь выделиться.

– Я име...

– Я тебя понял. Если уж на то пошло, дело не в простых рабочих с завода твоего отца. Это светское мышление.

⁹ Черт! (*фр.*)

– Отлично, я неправильно думаю, неправильно люблю, верность моя неоправданная, а еще я всего лишь таскающаяся по округе идиотка. Прошу прощения, но мне насрать на то, что я не вписываюсь в твои стандарты.

Тобиас снова бренчит льдом в стакане и делает еще один глоток.

– Ты и так следишь за каждым моим шагом. Обязательно еще и присутствовать?

– Я убираю чертов беспорядок, который ты мне оставила.

– Не понимаю, почему ты так тщательно меня проверяешь. Не знаю, был ли ты в последнее время на «вечеринке», но ты видел кого-нибудь из своих подчиненных?

Тобиас задумчиво смотрит на меня поверх стакана, а потом опускает взгляд.

Только он открывает рот, чтобы заговорить, как раздается звонок в дверь, и я закатываю глаза.

– Это не твоя штаб-квартира. Это мое временное жилье, так что найди другое место, где будешь раздавать свои приказы.

Проигнорировав мои слова, он открывает дверь. Спустя секунду в дом входят ЭрБи и Терренс.

– Привет, девочка, – здороваются ЭрБи, а Терренс тем временем заговаривает с Тобиасом, переводя взгляд с Тобиаса на меня. – Я думал, ты девушка Дома. А ты уже переметнулась, да?

Лицо горит от унижения и от его взгляда, по которому я

сразу понимаю, какого он обо мне мнения.

Манера поведения Тобиаса меняется, и он поворачивается ко мне с серьезным выражением лица.

– Отдай мне ключи.

– Что?

Он опускает взгляд на ключи у меня в руке.

– Отдай мне ключи от своей машины, Сесилия.

– Ага, сейчас.

Он подходит ко мне и протягивает руку, а я вздыхаю, но отдаю их ему. Тобиас поворачивается и швыряет ключи Терренсу, который едва успевает поймать их, когда те попадают ему в грудь, морщась от резкого удара. Тон Тобиаса неумолим:

– Отмыть и отполировать до блеска ее машину: намылить, обмыть губкой и натереть. Когда закончите, она должна видеть свое отражение.

Я делаю шаг вперед.

– В этом нет необходимости, я...

Тобиас взглядом заставляет меня умолкнуть, а ЭрБи окидывает Терренса взглядом, так и говорящим «ну ты сейчас и облажался». Следом Тобиас обращается к ЭрБи:

– А ты проследи за ним.

ЭрБи кивает, смотря на Тобиаса с явным уважением.

Тобиас не обращает на них никакого внимания, пока они оглядывают холл.

– Ты идешь со мной.

– Нет, не иду. Мне нужно в душ...

– Мы вернемся через час, – говорит он парням и, взяв меня за локоть, ведет к выходу. – Дом никто не покидает. Через десять минут сюда приедет Тайлер.

– Поняли, – отвечает ЭрБи.

Я вырываю руку, и Тобиас обходит свой «Ягуар», чтобы сесть за руль.

– Я хочу поговорить с Тайлером.

– Нет.

– Но я не могу ехать в таком виде! – грубо отвечаю я и скрещиваю на груди руки, пытаюсь не сдавать позиции.

– Мы не на гребаное свидание собрались. И разговор не окончен. Садись. В. Машину.

Секунду мы испепеляем друг друга взглядом, а в следующую я сажусь на кожаное сиденье. Вскоре мы летим по дороге в город.

– Не хочешь поделиться, почему пускаешь в дом Романа всех, у кого есть татуировка?

Молчание.

– Ты ведь в курсе, что не обязан этим заниматься? Я могу о себе позаботиться.

Еще больше приводящего в бешенство молчания.

– Если ты настолько нетерпимо относишься к грубости в адрес женщин, то, возможно, тебе стоит повнимательнее присмотреться к своему отражению в зеркале.

Он с легкостью ориентируется на дорогах, а я хмуро смот-

рю на него, поняв, что от меня наверняка плохо пахнет после двухчасовой прогулки по горам, а кожа липкая от высохшего пота. Волосы на макушке спутались.

– Куда мы едем?

Тобиас хранит молчание, расслабленно ведя машину. Мы едем еще минут десять, пока он не въезжает на парковку банка.

– Хочешь сделать вклад?

Он занимает одно из мест напротив входа.

– Дай угадаю, готовишься к очередному крупному налету?

– Господи, – качает он головой, – просто смотри.

– На что?

– На преступников. Хочу, чтобы ты хорошенько взглянула на это здание и сказала мне, когда их заметишь.

– Серьезно? Мы ищем преступников, опираясь на *внешность*?

– И это говорит девушка, которая спрашивала, видел ли я кого-нибудь из своих подчиненных.

– Я просто хотела...

– Твои слова нечем оправдать. А теперь давай отыщем преступников, опираясь на логику.

Из банка выходит пожилой мужчина, на вид ему лет семьдесят, он придерживает дверь перед девушкой.

– Неа.

– Как ты поняла? Потому что он придержал для нее дверь?

– Точно сказать не могу. Но он не похож на преступника.

– А кто похож? Тот, кто одет в толстовку с капюшоном?

С татуировками? От кого воняет травкой? Кто носит узкие джинсы? Цветной? А что насчет стрижки? По стрижке можешь сказать?

– Все, все, я тебя поняла! – По шее расплзается румянец.

– Нет, не поняла. Смотри.

И я смотрю. Несколько минут внимательно изучаю всех, кто входит и выходит из банка, и отмечаю их.

– Не видишь?

– Это же невозможно. Как я должна понять?

– Как насчет этого?

Из банка выходит сорокалетний мужчина в испачканной униформе и забирается в грузовик.

– Явно работяга. Похож на местного и наверняка трудится не покладая рук, обеспечивая семью. Так не должно быть. Я понимаю, что сделала поверхностные выводы, но...

– Кто преступник, Сесилия?

– Я не знаю.

– Что насчет того парня? – Тобиас кивает на входящего мужчину в костюме.

– Не знаю я!

– Тогда смотри дальше.

Я вспоминаю наш разговор и вдруг понимаю, что смотрела на людей, а не на здание.

– Это же банк?

– Думаешь, ничего хуже организованной преступности не бывает? – говорит Тобиас, смотря на вывеску, а потом поворачивается ко мне. – Задай себе этот вопрос. Почему двадцатилетняя сотрудница банка настолько запугана руководством, что приводит свою пожилую бабушку в отделение, чтобы открыть второй банковский счет, который ей не нужен?

– Потому что это ее работа?

– Для того чтобы ее внучка выполнила свою норму, заводя по восемь счетов в день, и смогла сохранить за собой рабочее место. Потому что в провинциальных городках таких, как она, тысячи. Они думают, что подписывают договор с известным банком с кристально чистой репутацией, а через неделю или около того узнают, что они марионетки. Они каждый день под давлением открывают новые счета. Хитроумный ход сильных мира сего, чтобы стоимость акций взлетела до небес, чтобы откармливать разжиревшую корову, потому что им, как и Мидасу, недостаточно богатства. Некоторые открывают счета на умерших людей. Это происходит каждый день на протяжении многих лет, пока эти люди, эти незаметные работники с мизерной зарплатой, отчаянно нуждающиеся в деньгах, испытывают такое моральное давление, что идут на преступление.

– Здесь хранятся и мои деньги.

– Тогда, не осознавая, ты усугубляешь проблему. Все начинается с верхушки. Если думаешь, что плохие парни – те,

кто толкают на улице дозу размером с десятицентовик, то это пустяк в сравнении с этими гребаными мошенниками. И самое печальное, что некоторые клиенты даже глазом не моргнули бы, если бы кто-то обратил на это внимание, потому что это не их проблема. Их деньги покрываются правительством, поэтому очень немногих волнует, что они сотрудничают с известным и обличенным преступником. Но если бы клиенты озаботились этой проблемой, то преступникам это бы с рук не сошло. Но сходит и будет сходить. Нужно обличить злодеяния людей сверху. С этим банком проходило одно судебное заседание. Они заплатили огромный штраф, который никоим образом не повлиял на доходы. После слушания генеральный директор ушел в отставку, но срок в тюрьме не отбывал, и вот – они и поныне в этом гребаном бизнесе.

Тобиас снова переводит взгляд на банк с выражением презрения.

– Хочешь найти *настоящих* преступников? Отследи деньги. Все всегда приводит к чертовым деньгам. Я не утверждаю, что все они заработаны незаконным путем, но утверждаю, что зарабатывающие законным путем всегда связаны с тем, кто зарабатывает незаконно. Этот мир поистине тесен, когда начинаешь сопоставлять факты. Это сброд из одной тусовки. В какой-то момент каждый готов нагнуть другого, и по той же причине большинство остается в одной упряжке.

– Ты говоришь об одном проценте населения? О самых богатых людях планеты?

– Вот тут-то все и становится неоднозначным, потому что это тоже исходит сверху.

– Неужели и правда так было и они избежали наказания? Тобиас медленно кивает.

– Но большинство уделяет внимание наполовину торчащему соску Джанет Джексон, потому что так их отвлекают от настоящих воров.

– Отвлекающий маневр?

– Да, это происходит с их подачи, и иногда они за это приплачивают. Средства массовой информации легко покупаются или находятся под влиянием людей из одной упряжки, а мир настолько великодушен, что делает всю остальную работу.

Тобиас разворачивает машину и выезжает с парковки. Я изучаю его профиль и чувствую, как меняется мое мнение о нем. Тобиас сыт по горло. Не только рабочими в этом городе, но и всеми стервятниками в округе, которые ежедневно охотятся на доверчивых граждан. А я косвенно была с ними заодно, поскольку стала достаточно взрослой, чтобы открыть банковский счет.

– Итак, я закрываю счет, и это должно повлиять на ситуацию?

– Ты закроешь счет, и тебе станет легче, поскольку ты сыграла в этом определенную роль. Можешь поделиться информацией с десятью людьми, и, возможно, двое прислушаются и закроют счета. Это долгий, медленный и болезненный

процесс, а в итоге они все равно выиграют.

– Тогда как бы ты поступил?

– Целился бы *в голову*, а не *в ногу*.

Я задумываюсь и поворачиваюсь к Тобиасу, рассматривая его густые темные ресницы.

– Если ты не доверяешь мне, зачем так упорно все это толковываешь?

– Мы заключили сделку. Я ей повязан. Если интересуешься, нет ли у меня дел поинтереснее, ответ – да, есть. Ты спрашивала о проверке, но я могу на пальцах одной руки пересчитать людей, которые знают тебя настоящую.

Он включает на светофоре фары и поворачивается ко мне.

– Те люди на вечеринках... все они играли свою роль, которая никак не связана с прицелом в ногу.

Роман. Мой отец – часть выстрела в ногу.

– Выходит, все они ищут способ заполнить голову чудовища?

Несколько долгих секунд он не сводит с меня, одетую в топ и шорты, взгляда, а потом вжимает педаль в пол.

Отношения с Романом – личное дело Тобиаса, но он сейчас поведал, что дражайший папуля всего лишь вершина айсберга. Не так давно я спросила Тобиаса, насколько этот айсберг крупный, как далеко он заплыл, и он показал мне вид с высоты птичьего полета... из космоса.

Снова шахматы. Но в этот раз я использовала полученный опыт. Мне удалось забрать одну из его пешек, а когда Тобиас это понял, я заметила удивленный взгляд.

– Лучшее лето в моей жизни, – ворчу я, пока он бренчит льдом в стакане.

– Чем займешься, когда оно кончится?

– Уверена, ты в курсе моих планов на колледж.

– В курсе. – Тобиас двигает пешкой, и прядь густых волос падает ему на лоб. Я подавляю внезапное желание протянуть руку и убрать ее. – Но чем ты *займешься*?

– После? Еще не знаю. Точно не пойду по отцовским стопам в семейном бизнесе, но ты и не предоставил мне большой выбор.

– Тебе плевать на его компанию.

– Неправда. Меня очень волнует будущее его работников.

Повисает молчание, Тобиас взбалтывает лед в стакане и произносит:

– Роман скопировал идеи Цукерберга, а потом обанкротил своего первого делового партнера, чтобы получить контроль над их компанией. Предприятие было небольшим, но так он заполучил прибыль, которая позволила ему сыграть в большой игре.

Я откидываюсь на спинку стула, потрясенная информаци-

ей о грязных делишках отца.

– Когда?

– За несколько лет до твоего рождения. Так он нажил своего первого врага. Джерри Сигала. В чем ирония? Он возвращается точно таким же, мать его, жуликом.

Я прикусываю губу и, подняв глаза, вижу, как он на меня смотрит.

– Ты уверен?

Очередной тройной поворот кубиков льда в стакане, после чего Тобиас допивает и встает.

– Ты что, ночуешь в лесу?

Он надевает пиджак.

Тобиас кивает на мое место возле камина.

– Не трогай доску.

– О, так ты вернешься. – Я встаю. – Жду не дождусь.

Тобиас подходит ко мне зловещей походкой, а я сдаю назад и отворачиваюсь, чтобы не замечать, как он на меня влияет. Когда я упираюсь бедрами в край дивана, прятаться больше негде, и с его следующим шагом меня охватывает жар, парализующее осознание того, что стоит Тобиасу протянуть руку и коснуться меня, тело среагирует. Я задерживаю дыхание, чтобы не вдыхать его аромат, а он внимательно смотрит на меня.

– Что в тебе такого? – спрашивает он тихим голосом. Я воспринимаю его вопрос как очередное оскорбление, попытку понять, что во мне увидели Шон и Доминик.

Делаю шаг в сторону, чтобы дышать стало чуточку легче, но он придвигается ко мне.

– Может, дашь подсказки? Это все, о чем я прошу. Может, будешь стучать перед тем как войти?

Он наклоняется, проводя носом вдоль моей шеи, не касаясь кожи.

– Нет, – раздается еле уловимый шепот, но ответ такой громкий, словно он его прокричал. Спустя мгновение входная дверь закрывается, а я стою и смотрю ему вслед, чувствуя тяжесть в конечностях. Тобиас меня бесит, и ссоры с ним начинают казаться бессмысленными.

Той ночью мне снятся янтарные глаза и светлячки.

Глава 9

На следующее утро я просыпаюсь от звука знакомого голоса, доносящегося с первого этажа. Раздраженная, чищу зубы, бегло осматриваю себя в шортах и топе и убеждаюсь, что выгляжу прилично. Когда слышу второй голос, сбегая по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Я вхожу на кухню, и меня застаёт врасплох Тобиас, одетый в элегантный, безукоризненный деловой костюм. Я первым делом чую аромат его недавно нанесенного одеколона, и только потом замечаю Джереми. Он занят тем, что разворачивает ноутбук, но, заметив меня, расплывается в улыбке.

– Привет, я заскочил на минутку.

Он отводит взгляд, снова занявшись делом, а я прислоняюсь бедром к столешнице и прожигаю ему в голове дырку. Жадно высматриваю, есть ли в нем какие-то изменения. За восемь с лишним месяцев, что мы не виделись, у Джереми немного отросла борода, и он в привычной для себя одежде: футболке и темных джинсах с подтяжками. Подтяжки в тонкую полоску, которые я нашла на барахолке и купила, потому что считала его другом. Я вспоминаю, как мы болтали по вечерам, но прогоняю эмоции и позволяю взять верх возмущению. Не обращая внимания на изучающие меня янтарные глаза, направляюсь к кофеварке и включаю небольшой телевизор на столике, чтобы посмотреть утренние новости.

Потянувшись за сахаром, обнаруживаю, что коробка пуста. Бросив взгляд через плечо, замечаю на губах Тобиаса самодовольную улыбку, с которой он поднимает чашку, и, прищуриваясь, смотрю на него.

Джереми смотрит на нас поверх ноутбука, который только что подключил к сети.

– Вижу, вы прекрасно ладите.

Мы оба переводим на него взгляд, и он издает недвусмысленный смешок. Чувствуя, что теряю самообладание, поворачиваюсь и открываю шкафчик над кофеваркой, замечаю еще одну коробку с сахаром на второй полке, но мне до нее не дотянуться. Встав на цыпочки, тщетно пытаюсь достать, когда чувствую спиной приближение Тобиаса.

– Я сама, – огрызаюсь и, взяв из ящика лопатку, пытаюсь подцепить ею коробку, чтобы подвинуть к себе. Коробка падает мне на лицо. Чувствуя, как горит нос, слышу действующие на нервы смешки от Тобиаса. Я на грани того, чтобы разразиться праведным гневом. Отбросив смущение, готовлю себе кофе и игнорирую обоих мужчин, упрямо смотря на экран телевизора. Спустя минуту Джереми заговаривает:

– Как дела, Си?

Облокотившись на столешницу, наклоняюсь и увеличиваю громкость.

– Злишься на меня, да?

Чувствую, как они переглядываются у меня за спиной. Мне все равно. Но жжение в спине дает понять, что, воз-

можно, моя одежда слишком открытая. Оглядываюсь, чтобы увидеть причину моего дискомфорта. Наклонив голову, Тобиас смотрит на меня странным взглядом, а потом снова поворачивается к Джереми.

– Все хорошо?

– Он показал мне, как это сделать, только один раз, но... – Джереми смотрит в мою сторону, и я понимаю, кого он имеет в виду. Они беспокоятся за сохранность ноутбука.

Мужчины еще раз, без слов, обмениваются взглядами, а я тем временем пью кофе и притворяюсь, что смотрю новости. Несколько раз постучав по клавиатуре, Джереми заговаривает:

– Думаю, все хорошо.

– Думаешь или знаешь? – сурово уточняет Тобиас.

Джереми раздраженно вздыхает.

– Стало бы проще, если бы ты разрешил мне...

– Я разберусь с этим, – рявкает Тобиас.

– Слишком гордый, чтобы связаться с родным братом? – спрашиваю я, стоя к нему спиной.

Снова молчание.

– Как он сейчас поживает, Джереми?

Многозначительная пауза.

– Я не знаю, Си.

– Ну разумеется.

Спустя секунду чувствую, что Джереми стоит рядом. Я не могу смотреть на него. Не могу дать ему увидеть, что одно

его присутствие делает меня слабой.

– Знаешь, мы скучаем по тебе.

– Правда? – Я делаю глоток кофе, не в силах скрыть в голосе горькую обиду. – Классные подтяжки.

Краем глаза вижу, как он подцепляет их большими пальцами.

– Ты знаешь, что они мои любимые.

– Рада узнать, что тебе не на все начхать.

– Ты дорога мне. – Его вздох больше напоминает расстроенное ворчание. Его босс, без сомнений, замерев, с явной угрозой смотрит на него. Джереми разрывает от желания попросить у меня прощения и угрозы получить неотвратимое наказание. Такое ощущение, будто ни один из парней не отважится вступить в противоборство с этим ублюдкой.

– Не беспокойся обо мне. Восемь месяцев же не волновался.

– Да брось, – возражает Джереми, – ты же знаешь, что мы не могли...

– Хочешь узнать, как я поживаю? – Я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза. – Можешь передать Шону, что теперь я на собственной шкуре понимаю, что чувствуют плененные птицы.

– У нас все улажено, – резко говорит Джереми Тобиас, явно намереваясь побыстрее закончить наш разговор. – Свяжись с тобой позже.

Немного погодя раздается предупредительный сигнал, и

от входной двери доносится голос Рассела.

– Эй, чувак, нам открываться через двадцать минут. Миссис Картер хочет с утра проверить свою колымагу.

Он говорит про гараж – место, которое я считала вторым домом. В голове не укладывается, что может сделать время и расстояние. Сейчас кажется, что все происходило в другой жизни. Я еле сдерживаюсь, чтобы не свернуть за угол и не взглянуть одним глазком на Рассела. Но не делаю этого, потому что, похоже, он не заинтересован во встрече со мной. Может, все дело в Тобиасе и его пугающей харизме.

Но это неважно. Эти мужчины мне не друзья. Они посвящены в секреты, к которым я не допущена. Там, где когда-то мне было место, теперь я просто обуза.

– Еще увидимся, Си, – произносит Джереми, но я не смотрю в его сторону. Я не проронила ни словечка. Чувствую его разочарование, когда Джереми поворачивается и уходит.

Включаю телевизор, чтобы пресечь на корню любые беседы с Тобиасом. И испытываю облегчение, когда он погружается в работу на ноутбуке. Проходит несколько минут, и стук по клавишам прекращается, когда ведущий выступает с экстренным сообщением.

«Прошлой ночью в ходе успешно проведенной операции американскими военными был убит лидер террористической организации. Вскоре стало известно, что крупные средства массовой информации описали объект в качестве “строгого религиозного деятеля”, что привело в ярость некоторых

американцев, которые начали высказывать свои возражения в социальных сетях...»

– Бред!

– Бред!

Наша одинаковая реакция заставляет меня повернуться к Тобиасу, который так же оторопело смотрит на телевизор, стоя по другую сторону. Он расстроено проводит рукой по лицу, а я отворачиваюсь и выключаю телевизор. Некоторое мгновение мы стоим молча, а потом он отходит и выливает кофе в раковину.

– Какая мерзость.

– Согласна. С каких пор стало нормальным, что журналисты очеловечивают террор...

– Нет, кофе. Тебе нужен френч-пресс и приличная кофемолка.

Сбитая с толку, я смотрю на его спину в светло-голубой рубашке, которая идеально облегает его широкие плечи.

– А ты избалован всем французским. Уверена, у тебя была масса вкусов на выбор.

Тобиас поворачивает голову, кладет ладонь на стол и смотрит на меня, изогнув бровь.

– Мы по-прежнему говорим о кофе?

– Конечно, о кофе! – недоумеваю, огрызаюсь я. – И я удивлена, что ты еще не сменил адрес для доставки.

Кухню заполняет его раскатистый смех. Я обхватываю себя рукой за талию, пока он внимательно изучает меня со сво-

его места.

– Они и впрямь тебе дороги.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Я уже тысячу раз тебе говорила. В нашей сделке нет необходимости. Это ты раздал мне козыри для игры. Я и без сделки хранила бы молчание.

Уголок его губ приподнимается.

– Осторожность излишней не бывает. Тебе ведь известно: *нет ничего страшнее...*

Я резко взмахиваю рукой.

– Птица, неспособная летать, остается птицей, а человек, неспособный на любовь, – пустое место, – парирую сухим тоном и подхожу к Тобиасу. Ставлю чашку в раковину рядом с его кружкой и поднимаю глаза. – Как я уже сказала, тебе не по карману моя валюта. – Теперь я чувствую выброс напряжения, и он неизбежен. Глаза Тобиаса с каждой минутой нашей очной ставки горят все ярче.

– Нежность, обожание, преданность, тепло, привязанность – все это синонимы любви. – Я поворачиваюсь, собираюсь подняться наверх, но Тобиас хватается меня за локоть и притягивает к себе. Между нами проскакивает искра, которая оглушает на пару секунд. Словно гром и молния. Невозможно оставаться невосприимчивой к его потрясающему телосложению, страсти в глазах и дразнящему аромату. Сила моего влечения растет с каждой минутой. Чем больше я пытаюсь его отрицать, тем чаще оно показывает свою непри-

глядную сущность.

– Пожалуйста, только без синяков. У меня сегодня вечером смена.

Тобиас ослабляет хватку.

– У тебя слишком легко появляются синяки. Думаешь, я тебя не понимаю?

– Ты меня не знаешь.

Он наклоняется, касаясь дыханием моего уха.

– Я *знаю* тебя. – Он убирает с моего плеча волосы, и я с трудом сдерживаю дрожь, которая пробегает по телу от этого легкого прикосновения. – И ты боишься, что я так много про тебя знаю. – Тобиас поднимает палец и еле ощутимо проводит им по моей ключице. – Ты считаешь это любовью, но правда в том, что ты одержима, – он медленно проводит подушечкой пальца по моему горлу, а затем очерчивает им мои губы. Напряжение между нами так сильно, что от осознания того, что происходит, начинают подкашиваться ноги. – И сейчас ты под кайфом. Единственная валюта, что у тебя есть, – это кайф. – Я резко отстраняюсь, но Тобиас наступает на меня. Он проводит взглядом от моей резко поднимающейся и опускающейся груди до губ, а потом делает шаг назад, забирает ноутбук и выходит из кухни.

Глава 10

«Ты одержима».

Груз этого заявления всю смену ощущался на плечах.

– Ты уверена? – спрашивает Мелинда, собирая оставшиеся контейнеры.

– Что, извини?

Она внимательно смотрит на меня. На лице подруги явное беспокойство, а я пытаюсь воскресить в памяти наш разговор. Она хочет свести меня с юным пастором из ее церкви. Мелинда далеко не дура. Она научилась предугадывать мое настроение. Нередко приносит с собой второй ланч, чтобы я обязательно поела. Мне приятно знать, что она дорожит мной и по-матерински опекает.

– Да, – отвечаю я, вытирая наше рабочее место. – Просто пойду домой.

Мелинда замирает, пока мы собираемся.

– Милая, прошло несколько месяцев. Я не хочу, чтобы ты и дальше чахла.

Несколько месяцев. И именно сегодня, как никогда, я чувствую тяжесть этой правды.

«Ты одержима».

– Все хорошо, – заверяю я подругу. – Я недавно ходила на свидание.

От этой информации она оживляется.

– О, правда?

– Да. Отличный парень. И мы снова встретимся, – ложь дается легко, но я не чувствую за собой вины, увидев в глазах Мелинды облегчение. Порой своей назойливой болтовней она сводит с ума, но я привязалась к ней и считаю своей подругой.

– Я так рада. – Она чуть не выпрыгивает из штанов. – Извини за такие слова, но какой же он дурак. И обещаю тебе: он пожалеет, если еще не начал жалеть. Поверить не могу, что он просто взял и бросил тебя.

Мы обе понимаем, что она говорит про Шона, но я отвожу глаза в сторону. Когда конвейерная лента останавливается, оповещая о конце смены, Мелинда подходит ко мне и нерешительно обнимает.

Я крепко обнимаю ее в ответ.

– Я буду по тебе скучать.

Мелинда отстраняется и обхватывает руками мои плечи.

– Но по моей болтовне скучать точно не будешь. – Она смеется и подталкивает меня локтем. – А вот мне будет не хватать такой слушательницы. Когда ты уезжаешь?

– Осталось всего несколько месяцев.

Мелинда подмигивает.

– Проведи их с пользой.

Я киваю и умудряюсь изобразить искреннюю улыбку, когда она выходит с линии, чтобы отметить на выходе. Я плетусь за ней, мыслями возвращаясь к утреннему разговору на

кухне. Для всех, кто близко меня знает, теперь я девушка с разбитым сердцем, которая замкнулась в себе.

Тобиас тоже видит меня слабой, но ирония в том, что люди вроде Мелинды, которые каждый день с трудом сводят концы с концами, и моя привязанность к ней и к остальным из нашего круга, вынуждает меня молчать и уступать. Если бы я хоть на секунду подумала, что Тобиас собирается навредить Мелинде или тем, кто мне дорог, то уже давным-давно подала бы сигнал. Но это не тот случай. И вопреки моей ненависти к Тобиасу я знаю, что он планирует вернуть жителям этого города власть.

И этот план я полностью поддерживаю.

Делает ли меня плохим человеком желание, чтобы мой отец из-за этого страдал? Возможно.

Но это та роль, которую я выбрала сама.

И, возможно, отчасти мое неуважение к отцовскому благосостоянию связано с затаенной злобой на то, что предпочел мне свою империю.

Может быть, потеря состояния принесет отцу столь необходимое смирение и даст ему второй шанс, шанс отыскать более значимую цель. Я знаю, что меня сильно изменило смирение. И эти уроки я не воспринимала как должное, даже если в процессе они казались такими.

Но если Доминика я считала холодным, то его брат гораздо более черствый. Непроступная стена, которая считает любовь всего лишь помехой.

«Плохо для бизнеса».

«Ты одержима».

На меня накатывает злость, когда я забираю из шкафчика телефон и читаю сообщение, в котором Кристи сообщает, что она на свидании и позвонит завтра. Теперь подруга выходит со мной на связь каждый день. И я знаю, что это связано с тем, что она меня жалеет. Волнуется за меня.

Я не могу даже своего злейшего врага заставить воспринимать меня всерьез, потому что рассекаю по городу со своей душевной болью, как с клеймом на лбу, и это отравляет мне существование.

Захлопываю дверцу, чувствуя, как вокруг меня змеей свивается раздражение. Мои близкие ходят подле меня на цыпочках, беспокоясь о моем состоянии. И в эту секунду меня осеняет омерзительная мысль.

Я становлюсь своей матерью.

* * *

«Одержима».

«Одержима».

Я действительно зависима?

Если быть честной, с парнями как раз это я и чувствовала. Они кормили меня этими ощущениями по очереди. Но в этом и есть суть любви, ведь так? Она во многом и есть наркотик, на который люди подсаживаются. Тот, что разрывает

душу напололам, когда теряешь любовь.

И, возможно, именно охота за любовью заставила меня сегодня нарушить правила. Восемь месяцев молчания. И если я наркоманка, то без дозы прожила слишком долго.

Воспроизводя в памяти то, что случилось на кухне, в физическом смысле я чувствую, как усиливается напряжение на тонкой нити, что связывает нас троих.

Тобиас снова меня провоцировал.

А я снова его хотела.

Чувствуя вину и съежившись от этой мысли, я еду по дороге, ведущей к таунхаусу. Я ни разу не вела себя как взбесившаяся бывшая, а уже давно пора это сделать.

Когда я приближаюсь к их дому и фары освещают знак «СДАЕТСЯ В АРЕНДУ», чувствую, будто эта нить натягивается еще больше.

Гнев охватывает меня, я выхожу из машины, не выключая двигатель, и иду к дому. На крыльце прикладываю ладони к стеклу, чтобы разглядеть, что творится внутри. Пусто. Ни намек на жизнь. Ни намек на воспоминания, которые здесь родились.

Все исчезло.

На обратном пути к машине я понимаю, что трава высотой минимум в метр, а это значит, что место пустовало месяц или дольше. Чутье подсказывает, что намного дольше.

Сев за руль, несусь по дороге. В висках стучит кровь, а я пытаюсь понять, как так вышло. Где сейчас живет Тайлер?

Я видела его недавно, а значит, он не может жить далеко, и остальные тоже. Шон должен был понимать, что его просьба не искать их обходится мне слишком дорого. И до сегодняшнего дня я относилась к ней с уважением из-за его обещания «однажды».

Негодую из-за сегодняшнего открытия и намереваясь получить ответы, я мчу по дорогам, которые знаю наизусть. Когда я оказываюсь на стоянке перед гаражом и резко бью по тормозам, с облегчением вижу свет в лобби. Неизменный символ моей прежней жизни. Из гаража доносится тихая музыка, когда передо мной появляется Рассел. Он смотрит, как я подхожу к двери и легонько в нее стучу. Я знаю, что он меня видит. Когда дверь мне не открывают, стучу снова – и теперь делаю это громче.

– Открывай дверь, Рассел, – требую я. Сердце колотится при виде заброшенного дома.

Ничего.

– Рассел! – Я подхожу ближе и смотрю через толстое стекло лобби, когда на мой стук никто не отвечает. Рассел отворачивается, чтобы избежать моего яростного взгляда, и в эту минуту к нему подходит Джереми. Стоит ему заметить меня, как и он опускает голову.

– Я просто хочу с вами поговорить, – взмаливаюсь я, стоя по другую сторону толстого стекла и зная, что они слышат каждое слово. В следующую секунду свет выключается, и Рассел уходит в гараж. Джереми придерживает дверь, за-

стыв, когда слышит меня.

– Не делайте этого! – умоляю я и стучу в окно. – Пожалуйста, не поступайте так со мной, мать вашу! Джереми! – Он останавливается, и я вижу в его позе неподдельное сожаление. – Пожалуйста, Джереми! – Вижу, как он в расстройстве сжимает челюсть, не поднимая глаз, а потом заходит в гараж. В ярости отступаю и осознаю правду, с которой боролась весь день.

Я действительно одержима.

Ничтожная девчонка, которая с первого слова не может понять, отказываясь отпустить.

Будь я честной с самой собой, то увидела бы в лице каждого, кто теперь на меня смотрит, жалость и беспокойство. Их отказ стоил мне гордости, самоуважения и уважения всех моих знакомых.

Я заплатила за любовь гораздо дороже ее реальной цены.

И давно пора вспомнить, как нужно сражаться...

Глава 11

Налив себе в один из хрустальных бокалов Романа виски со льдом и выпив его до дна, я ныряю в бассейн. В небе висит полумесяц, а я, чтобы успокоить гнев, делаю несколько кругов, наслаждаясь теплой водой.

Пока я выбиваюсь из сил, пытаюсь придумать хоть одну причину, почему они приложили столько усилий, чтобы исчезнуть, меня охватывает разочарование. Обман и унижение – я выставила себя душой из-за двух мужчин, которые за эти бесконечно тянущиеся месяцы даже не удосужились появиться.

И ради чего?

Теперь я чувствую, что потерпела крах, неизбежное разочарование. Несколько месяцев я пыталась убедить себя, что живу, отпустив их, тогда как на самом деле ждала.

Больше я не буду врать себе и напрасно любить.

Никто из мужчин, которым я отдала свое сердце, не вышел из тени, чтобы заявить на меня права.

Я питала иллюзии, веря, что хотя бы с одним из них у меня есть будущее.

Насколько сильными могут быть их чувства, если между нами столько лжи? Мне представлялось прекрасным то, что мы пережили, но время предоставило мне доказательство, что чувства были не взаимными.

Прошло чуть больше восьми месяцев с тех пор, как я танцевала на улице с Шоном. Все это время я старалась жить обычной жизнью. Память о том дне держала меня на привязи.

Но так и поступают наркоманы: отрицают наличие проблемы и прикрывают ее оправданиями. И только от меня зависит, как себя спасти.

Так что с меня довольно.

Я покончила со своей нездоровой заикленностью двумя мужчинами, которые не заслужили восьмимесячной безответной привязанности. Я более не желаю понимать их мотивы и причину их отсутствия.

На данный момент я просто хочу порвать нить, которая нас связывает, и освободиться от боли безответной любви.

Обессилев от плавания и захмелев от виски, я выхожу из бассейна и встаю под уличный душ, чтобы смыть с волос хлорку. Завернувшись в полотенце, иду наверх и на полпути в комнату чувствую, что я не одна.

Раздраженная, заворачиваю за угол и вижу, как Тобиас листает книгу, лежавшую на моей тумбе. Он одет в костюм, галстук свободно свисает, а волосы идеально зачесаны назад. Я прохожу мимо него и, скинув полотенце, иду к шкафу, чтобы достать шорты и футболку. Замерев, чувствую на себе пристальный взгляд Тобиаса.

– Ты здесь по *делам* или это часть моего *наказания*?

Он резко захлопывает книгу.

– Ты получила ответ. Они приняли решение.

И их решением стала не я.

Принятие. Один из пяти шагов, верно? И поэтому я не позволяю жалиющим словам проникнуть в мое ожесточившееся сердце. Вместо этого я ищу в ящиках одежду.

Секунды тянутся, Тобиас продолжает молчать, однако я чувствую его изучающий взгляд.

Намереваясь свести к нулю его попытку запугать меня, поворачиваюсь к нему лицом и развязываю верх от купальника, позволяя ему упасть на пол. Именно этот топ в день нашего знакомства он держал, чтобы унижить меня.

– Что-то еще? Очередная лекция о горошинах или пешках?

Я выпрямляюсь. Соски напряжены, вода стекает по коже и собирается на ковре у моих ног. Тобиас встает у края кровати, равнодушный к моей наготы и вызывающему поведению, а я медленно развязываю плавки, и ткань падает на пол. Ничего такого, что бы Тобиас не видел, но я замечаю появившееся в его глазах удивление, когда, обнаженная, поднимаю голову и поворачиваюсь к нему лицом. Я больше не позволю ему запугивать меня. Пришло время разорвать нить.

Тобиас пожирает глазами мою обнаженную плоть, на скулах играют желваки, когда он оценивает масштабы развернутой мною войны.

– Я знаю, кто ты, – наконец заговаривает он. В его голосе слышно предупреждение, которое видно и в его глазах.

– Правда? – с вызовом спрашиваю я. – Сомневаюсь.

Он делает ко мне шаг, но я и бровью не веду. Воздух сгущается, когда он бесцеремонно пожирает голодными глазами твердые линии и изгибы моего тела. Чем ближе он оказывается, тем сложнее игнорировать притяжение.

– Сесилия Лиэнн Хорнер, родилась восьмого июня тысяча девятьсот девяносто пятого года. Рост – сто восемьдесят сантиметров, вес – шестьдесят пять килограммов. – Он делает еще шаг, вода ручейками стекает по моей спине. – Внебрачная дочь миллионера Романа Хорнера и Дианы Джонстон.

Тобиас пожирает меня глазами, пока я упиваюсь притяжением, которое усиливается при его приближении.

– Это должно меня впеча...

– Тихоня, выросшая на любовных романах и живущая рассказами своей лучшей подруги, пока ее мать коллекционировала парней и штрафы за вождение в нетрезвом виде.

Я сдерживаю ком в горле, когда Тобиас, сделав последний шаг, нависает надо мной и я ощущаю запах кожи и цитрусовых. Он поднимает руку и берет меня за подбородок, проводит большим пальцем по нижней губе, запускает подушечку мне в рот, ведет ею по зубам. Я отворачиваюсь, а Тобиас наклоняется, шепча:

– Олицетворение недостатка родительского внимания, ты росла вдали от отца, не принимавшего участия в твоей жизни, и поставила перед собой цель заботиться о матери. Ты была хорошей девочкой, пока тебя не подвело любопытство

и ты не пропустила выпускной бал, поскольку в это время расставалась с девственностью.

Потрясенная, поворачиваюсь к нему.

– Может, потому что ты чувствовала, что твой парень выждал приемлемый срок, а не потому что тебя обуревала страсть, к которой ты так отчаянно стремилась.

Я быстро отвожу глаза в сторону, но Тобиас наклоняется, чтобы перехватить мой взгляд, и удерживает его – меня – в плену. Мое тело поддается, пульсируя от гнева и стремительно растущего желания. Тобиас осторожно ласкает мое лицо, анализируя мой жизненный путь.

– В подростковые годы ты взяла на себя роль ответственного взрослого и сознательно провалила выпускные экзамены, став в классе высшей школы Торрингтона третьей. Либо с целью избежать внимания назло папочке и остаться незамеченной из-за идеальной посещаемости и школьных грамот, либо чтобы твоя мать не чувствовала себя виноватой из-за того, что не может оплатить обучение в университете Лиги плюща – на случай, если папочка не придет на выручку. В конце концов, гораздо безопаснее держаться в тени и пользоваться ошибками своей матери в качестве оправдания, чем попробовать рискнуть.

– Довольно! – с яростью произношу я.

Теперь, когда он анализирует мою жизнь, мои решения, я не могу отвернуться.

Тобиас придвигается, и я оказываюсь прижатой к нему.

– Что тебя утешает? Ты воспользовалась нервным срывом своей матери как поводом скинуть с себя родительскую ношу и все же дала себе возможность прикинуться мученицей. А это подводит нас к главному. Ты заявляешь, что поступила так ради матери, но правда в том, что приезд сюда подарил тебе возможность сбежать. Ты впервые по-настоящему вкусила свободу.

Я стою перед Тобиасом обнаженная телом и душой, а он обхватывает мое лицо руками.

– А теперь ты снова прячешься, потому что, рискнув и впервые пожив своей жизнью, не получила того, что надеялась получить. Но я тебя вижу, Сесилия. Я. Тебя. Вижу. Ты продолжаешь отдавать себя, свое сердце, свою верность первому встречному, но причины своему поведению не понимаешь, а она мучительно проста. Твоя мать – самовлюбленная эгоистка, твой отец избежал ответственности, ты чувствуешь, что мои братья воспользовались тобой и бросили, и постоянно храбришься, тогда как тебя засасывает тоска.

Тобиас приподнимает мой подбородок, по щеке стекает слеза. Я разрешаю ему смотреть на нее, собирать последние остатки своей слабости, а потом он нежно смахивает ее большим пальцем.

– Тебе грустно и одиноко. Ты круглыми сутками сидишь в стенах этого дома, и мне стоило бы на это наплевать, но я понимаю, что в этом есть и моя вина. Я перевернул твою жизнь вверх дном и...

Удар ладонью по его щеке приносит тошнотворное удовлетворение. У Тобиаса вырывается рык, он хватается меня за запястья и прижимает к шкафу.

С секунду я смотрю ему в глаза, а потом он грубо целует меня. Судя по всему, Тобиасу доставляет удовольствие моя боль, и мне лишь остается делать ему приятно своей реакцией, гневом и злыми слезами. Он наслаждается моим сопротивлением и страданиями, которые причиняет невыносимой истиной. Его намерения меня уничтожить столь же интуитивны, как и продуманны.

Я отрываюсь от него и с отвращением качаю головой.

– Да ты от этого возбуждаешься, больной убудок.

– Печально, но ты тоже, – парирует Тобиас и снова овладевает моим ртом так, что сбежать мне не удастся – да и не хочется. Целую его в ответ, потому что тело меня никогда не слушает. В конце концов, он прав. Мое сердце умоляло о любви не у тех, стремилось в любом направлении, лишь бы обрести пристанище. Но Тобиасу не нужно мое сердце. Он намерен погубить мою душу.

Он поднимает свободную руку и обхватывает мое лицо, а я хватаю его за запястья, пытаюсь вырваться, но безуспешно. Тобиас раздел меня догола, лишил гордости своей нелестной оценкой. Ненавижу, что ему удастся так ясно это увидеть, так ясно увидеть *меня*.

Или что он натворил.

Потому что я больше не та девушка, которой была вчера

или даже час назад.

Он произносит шепотом:

– Ты боец, надо отдать должное. – Наши губы разделяет пара сантиметров, Тобиас заглядывает мне в глаза. – Но отдаешь слишком многое ни за что. Слишком легко доверяешь, потому что всю чертову жизнь тебе было одиноко.

– Говорит одинокий король одинокой маленькой девочке.

Наши дыхания сливаются, и несколько долгих секунд мы пристально друг на друга смотрим.

Впервые в жизни я увязла на дне и даже не хочу бороться. Я хочу утонуть... в своем враге. Он – путь. Единственный путь.

И как только я это сделаю, пути назад уже не будет.

Словно почуяв, что я приняла решение, он поднимает руку, чтобы намотать мои волосы на кулак, и тянет, обнажая мою шею. Его дыхание сбивается, а через секунду полные теплые губы касаются моего плеча, слизывая капли воды. Тобиас жадно втягивает их в рот, а я с трудом сдерживаю стон.

Оборви нить, Сесилия.

Он неспешно движется вдоль моей ключицы, смакует воду на моем торсе и животе. В глазах у меня стоят злые слезы, и я с трудом сдерживаю всхлип.

Решив довести дело до конца, я впиваюсь ногтями в кожу его головы, пока он горячим ртом прокладывает дорожку по моему телу. Тобиас пожирает, накрывает губами каждый миллиметр, ладонями раздвигает мне бедра и начинает ли-

зять лоно.

Сжав в кулаке его волосы, я вскрикиваю от силы, с которой он присасывается к моей коже. Густые локоны Тобиаса щекочут бедра, а потом он высовывает язык и раздвигает мои половые губы, нацелившись на клитор. Одно уверенное движение языком – и мои ноги перестают держать. Я ударяюсь спиной о шкаф и, запрокинув голову, начинаю тереться о его лицо.

– Да будь ты проклят. – Я бью ладонями по его плечам, когда его движения набирают скорость и Тобиас просовывает в меня палец. Он пожирает меня, его голод подначивают мои крики. Я оседаю, прижавшись к шкафу, ручки которого впиваются в спину. Душа болит, но меня поглощает желание, и я начинаю безудержно дрожать. Оргазм уже близок, но я запрещаю себе, я ненавижу Тобиаса, ненавижу себя, ненавижу, что никогда раньше не испытывала такого удовольствия.

– Tu te retiens¹⁰.

Я понимаю его слова.

Он поднимает на меня взгляд, двигая ловкими пальцами. От вида своего возбуждения на его костяшках я чувствую, как вскипает кровь.

– Je gagnerai¹¹.

Мной овладевает похоть, когда Тобиас тянет меня на ковер и, нависая, широко разводит мои ноги. «Молчи», – при-

¹⁰ Ты борешься (*фр.*).

¹¹ Победа будет за мной (*фр.*).

казывает он взглядом, опускает голову и возобновляет движения. От манящих умелых пальцев и долгого прикосновения к клитору я *кончаю*. Он обводит языком мое пульсирующее лоно и высасывает каждую каплю моего оргазма.

Шумно дыша, Тобиас отпускает меня, чтобы снять пиджак и медленно расстегнуть рубашку. Не сводя с меня глаз, он тянется в задний карман брюк за кошельком, откуда выуживает презерватив и отбрасывает его на ковер рядом с моей головой. Я перевожу взгляд на него, видя в нем угрозу того, что произойдет, если не остановлю это.

Одним поступком он разорвет все связи, уничтожит нас и все тайные надежды, что я еще лелею. По его мнению, я – угроза, и Тобиас хочет от меня избавиться. И это прекрасный способ убедиться, что среди них мне нет места и будущего. Только я могу остановить то, что будет дальше.

Но я не останавливаю. Не стану. Потому что у меня больше нет причин ждать.

А еще потому, что я одержима.

Жалкий плод своей фантазии и своих деяний.

Эмоционально зависимая.

Слабая.

Ненасытная.

И с Тобиасом я словно набираюсь сил. Каждый мой вдох напитывается ею, затягивая меня глубже в него, в место, где я никогда не была.

Он расстегивает молнию на брюках и высвобождает воз-

бужденный член, водит по нему, пока я смотрю, а потом начинает медленно раскатывать по нему презерватив. Я запоминаю каждую частичку его тела, которую требует запомнить мой ненасытный разум. Его широкую мускулистую грудь со смуглой кожей, небольшой пушок волос между грудными мышцами, рельефные мышцы, подчеркивающие подтянутый живот и узкую талию. Резко очерченные косые мышцы скрывает дорожка волос, спускающаяся к бедрам. Надев презерватив, Тобиас ладонью приподнимает меня за шею и наклоняет голову, чтобы я получше его рассмотрела. Он хочет, чтобы я стала свидетелем финала, его предполагаемой победы.

И я не стану себе в этом отказывать, но по совсем иной причине.

Тобиас замирает, предоставляя пару секунд на возражения, а потом входит в меня. Постепенно заполняет меня целиком, и у меня перехватывает дыхание от его силы и размеров. Чертыхнувшись, он продолжает движение и внимательно наблюдает за тем, как я приоткрываю рот. С его губ срыгается едва слышное шипение. На лице появляется сдержанная гримаса, а тело дрожит от оставшейся злости. И сомнений не остается.

Это его месть моему отцу, братьям, которые ослушались и умышленно ввели его в заблуждение. Месть мне за то, что неосознанно приложила к этому руку. И я даю ему право на эту месть. Позволяю себе пасть еще ниже.

Я в который раз отдаюсь своему дьяволу, но теперь... теперь все иначе, потому что я успела примириться с происходящим на своих условиях. Я сознательно позволяю ему делать это, намереваясь довести дело до конца. И если прокляну себя после, то получу удовольствие от этого клейма.

Тобиас медленно входит в меня, и я вскрикиваю от проникновения. Он невообразимо растягивает меня, двигая бедрами и медленно проникая в мое тело.

– Putain de merde. Tellement serrée¹².

– Brûles en enfer¹³.

Слова слетают с губ с идеальным произношением, и глаза моего врага расширяются, прежде чем он полностью входит в меня.

И вот тогда я чувствую рывок... и меня поглощает жжение в мышцах.

Мы вместе стонем, а у Тобиаса вырываются ругательства на английском вперемешку с французским. Выйдя, он снова входит до самого основания. Мы – единое целое, и его жаркое дыхание опалает мне шею. Я впиваюсь ногтями ему в плечи и шумно дышу от дискомфорта, получая наслаждение от ощущения заполненности и неопишуемого удовольствия.

Тобиас кладет ладони мне на бедра, раздвигает их шире и вновь входит в меня, опустив глаза на место нашего соединения. Я кричу, мое тело дрожит, пока он берет меня, прохо-

¹² Черт возьми. Так узко (*фр.*).

¹³ Гори в аду (*фр.*).

дьясь по всем сокровенным местам в моем теле. Еще несколько толчков – и мышцы начинают сокращаться. Я борюсь с удовольствием, но требуется всего лишь вспышка янтарного пламени и прикосновение его пальца – и я падаю в пропасть.

Я упиваюсь своим моральным падением, меня охватывает оргазм. Удовольствие струится между ног, а с губ срывается полный экстаза крик. Выгнув спину, дрожу от удовольствия, искупая вину в раскаленном добела огне, который распространяется по моим конечностям, пока тело дрожит в экстазе.

Тобиас резко закрывает глаза и откидывает голову назад. Его рот приоткрывается, когда я сжимаю мышцами его член, и нас трясет от возникшей из-за этого бури чувств. Приоткрыв глаза и впившись в меня взглядом, Тобиас теряет контроль.

А потом мы трахаемся, хватаясь руками, вздохи и стоны смешиваются, на коже блестит пот, когда он одержимо входит в меня, обезумев от похоти. Боль стихает, и я подаюсь Тобиасу навстречу, сжимая его, пока не подступает второй оргазм, застав меня врасплох. Мои мышцы сжимаются, и я вижу теплое пламя в его глазах.

– Putain, putain, – чертыхается он.

Тобиас накрывает руками мое тело, его прикосновение – разряд тока, и я снова начинаю возбуждаться с каждым мощным движением его бедер. Искры вспыхивают и разгораются от клетки к плоти, пока он входит в меня. От звука шлепков

наших тел подступает еще один оргазм. Когда он охватывает меня, я бью Тобиаса в грудь от переизбытка прикосновений. Зубы стучат, и я кончаю, а Тобиас беспощадно увеличивает скорость движений, полностью овладевая моим телом. Ненависть распаляет меня, и я царапаю ему грудь, решив собрать ногтями немного его плоти.

С каждым уверенным и убийственным толчком его бедер я понимаю, что уже никогда не буду жаждать прикосновений другого так, как его.

От этого осознания меня начинает трясти, спина снова выгибается, и я чувствую, как он удерживает меня на грани. С первым импульсом оргазма рука Тобиаса напрягается на моей груди. Его тело дрожит, а глаза открываются от нахлынувшей волны экстаза. Задыхаясь, он смотрит на меня, и в его глазах читается откровенный ужас.

И за это я благодарна.

Благодарна за каждую секунду уязвимости, потому что вижу признание, когда он понимает, что я и так уже знаю.

Тобиас не хотел что-то чувствовать, а вместо этого почувствовал все.

Мы только что погубили себя своей обоюдной ненавистью.

Он обхватывает ладонями мою голову и смотрит на меня сверху вниз. В его глазах что-то, напоминающее изумление. Это всего лишь вспышка озарения, но я ее вижу. Тобиас закрывает глаза, выходя из меня, и молча берет лежащее рядом

полотенце, пытаюсь меня им прикрыть. Я скидываю его, чувствуя отвращение из-за его малодушия. Если мне придется быть этому свидетелем, то и ему тоже. Ни одному из нас не будет пощады.

– Тебе тоже придется с этим жить.

Мои слова, как я и рассчитывала, застают его врасплох. Лицо Тобиаса напрягается, страх сменяется яростью. Но злится он не на меня.

Он вскакивает, выкидывает презерватив в мусорную корзину и надевает боксеры. Когда он начинает медленно застегивать рубашку, выражение его лица становится каменным.

Страсть затухает, и, застегивая воротник, Тобиас смотрит на меня.

– В случившемся не стоит искать какой-то смысл. Это секс. И бизнес. Не принимай близко к сердцу.

Лежа на ковре, я мотаю головой, не веря его стремительному отрицанию.

– Тебе действительно нужно спуститься с небес на землю.

Он замирает и взирает на меня сверху вниз.

– Сесилия, я тебя не виню. Тебя с раннего возраста приучили к ответственности. Вождедель безответной любви и отчего-то верить, что это воздастся сторицей.

Он кивает на потрепанный библиотечный экземпляр «Поющих в терновнике», лежащий на тумбе возле кровати.

– Но в этом и заключается разница между мальчишкой из книги или фильма и мужчиной в гребаном реальном мире.

Не все хотят узнать, как устроены твой разум и сердце, не все жаждут отказаться от гордости, рассказать тебе наши секреты или признаться в любви. Некоторые из нас просто хотят тебя трахать, пока ты не надоешь.

Я поднимаюсь с ковра и замечаю, как он скрупулезно оглядывает мое тело.

– Вот только ты не живешь в реальном мире. Ты решил создать свой собственный. И я никогда тебе не надоем. Вот твое наказание за то, что предал их. Оно такое же, как мое.

Тобиас с равнодушным лицом одергивает под пиджаком манжеты и проводит рукой по густым черным волосам.

– Belle et délirante¹⁴.

Я его понимаю.

– Наверное, так и есть. В конце концов, я всего лишь маленькая девочка, которую ты, не удержавшись, трахнул.

Он хочет причинить мне боль. Я чувствую, как от него волнами исходят ненависть и злоба.

Тобиас зашел слишком далеко, и я последовала за ним, но по совершенно другой причине.

Но разделю с ним это наказание.

И буду вожделеть своего врага.

Потому что мы именно такие.

– Не только я одержима иллюзиями, – возражаю я и, взяв полотенце, заворачиваюсь в него. Тобиас прищуривается. – Ты безумен, если считаешь, что я когда-нибудь захочу

¹⁴ Красивая и одержимая иллюзиями (*фр.*).

узнать, как устроены твои разум и сердце. – Я поднимаю с пола его пиджак и швыряю ему в лицо. – Не принимай близко к сердцу, но катись-ка ты к черту.

Его глаза вспыхивают, а я тем временем разворачиваюсь и ухожу в ванную, хлопнув напоследок дверью.

* * *

Я стою на балконе и курю, смотря на горизонт и успокаиваясь с каждый вдохом.

Через семь недель я стану свободной. Свободной от надзора Романа, свободной от его роли в моей жизни. Через семь недель я окажусь далеко от Тобиаса, его пристального внимания и осуждения. Пока я в этом городе, два самых могущественных человека борются в попытке установить надо мной контроль. Я дам Роману и Тобиасу то, что им от меня нужно, чтобы их укротить, но это будет происходить на моих условиях.

Потому что я больше не чувствую тяжести раскачивающегося над головой маятника.

Тобиас собирался покончить со мной нашим общим предательством, но ему было неизвестно, что тем самым он меня освободил.

Сладкий вкус свободы.

На город надвигаются фиолетовые тучи, а я стряхиваю пепел с сигареты, которую украла несколько месяцев назад из

спальни Доминика. Не знаю, зачем ее взяла, но, выдыхая последние клубы дыма, рада, что так поступила.

Провожу рукой по шее, где остался небольшой шрам после того, как Тобиас сорвал с меня кулон. На месте раны образовалась корочка. Я сорвала ее, чтобы помнить о случившемся, что однажды кто-то захочет заявить на меня права, назвать своей, даже если это случится на короткий миг.

Но теперь кулон и его смысл не играют никакой роли.

Это невозможно. Тобиас разорвал связь, порвал нить. А я позволила ему, поэтому больше не чувствую себя связанной с ними.

Теперь я поняла, в чем состояла его цель, но у меня были и свои намерения.

Теперь я чувствую себя оправданной – оправданной за то, что перестала ждать и стала двигаться вперед.

Если бы Шон с Домиником сейчас вернулись, то уже было бы слишком поздно. Но даже если бы они и вернулись, теперь я никогда их не захочу, как раньше. Все мои глупые принципы и надежды разрушились, когда я позволила врагу взять меня на полу его соперника.

И хотя я всей душой презираю Тобиаса, меня устраивает это открытие. Я пересекла черту, с чем согласилась мой разум и тело и что проигнорировало мое сердце. И все во имя горького удовольствия.

Так что, пока моя любовь к Шону и Доминику угасает, страсть к другому мужчине разгорается. И самое приятное в

том, что мне не придется что-то *чувствовать*.

Стыд, угрызения совести, вина – теперь неизвестные мне слова.

Я без оправданий устанавливаю правила, чтобы искоренить свою слабость.

Я могу ненавидеть Тобиаса, но он во многом прав.

Точно указав на мой недостаток, он снял кандалы с моего сердца, которое продолжает меня тяготить.

Сердце, которое оказалось никому не нужно, а я так легко его отдала. Это сделало меня слабой и безрассудной. И потому я перестану пичкать его надеждой и ложью. Я буду отрицать его существование и глупые желания. Позволю ему зачахнуть, попытаюсь лишить силы и власти, которой оно обладает над моими решениями. И пока я не покину Трипл-Фоллс, позволю себе быть дочерью своего отца: холодной, жестокой, коварной, расчетливой и бессовестной.

Но в действительности только принятие истины приносит мне свободу.

Я никому не нужна.

Глава 12

В салоне моего нового джипа грохочет «Weaker Girl» Banks, а ветер развеивает подстриженные волосы.

Новая тачка и новая прическа к моему новому мышлению.

Перевоплощение творит чудеса.

Сейчас я полна решимости вернуть себе контроль. Над собой, своими эмоциями, жизнью и поступками в ней.

За прошедшие дни я поняла, что меня уже не так сильно волнуют высокие моральные устои – скорее меня волнует мой следующий ход.

Потому что мы не играем в шахматы. Мы ведем совсем иную игру.

Последнюю неделю я праздновала свою свободу в баре у Эдди. Провинциальные городки ничуть не изменились, и, как утверждает Мелинда, всего за несколько дней я создала себе репутацию распутной девушки.

На протяжении всей ночной смены подруга пыталась убедить меня, что я нуждаюсь в спасении и мне всегда рады в церкви, где можно покаяться в грехах и морально очиститься от проступков.

Но меня это нисколько не привлекает.

Я не хочу прощения.

Я переспала с Тобиасом по собственной воле, зная, что

это разорвет нить.

И это отлично сработало – может, даже слишком.

Я не только решила выпустить своих демонов на волю, но и убедила себя позволить им править балом. Любовь и цель не влияют на мою сопричастность.

Такой ход мыслей сослужит мне отличную службу, когда дело коснется ублюдка, что пытался унижить меня на полу моей спальни.

Но теперь я хочу уничтожить влечение к дьяволу, которого впустила в свою постель.

– Я действительно распутная, – соглашаюсь с собой, несясь к площади и влетев на стоянку перед любимым магазином одежды. Тесса с теплой улыбкой здоровается со мной и округляет глаза, заметив мою прическу и ухмылку.

– Девочка, ты выглядишь потрясающе. – Она подходит ко мне, пока я перебираю вешалки с платьями. Сегодня я уже потратила кучу денег, но мне плевать, что я зашла за рамки своего банковского счета. Вот что творит с девушками раскрепощение. Мне на все плевать. Я провожу рукой по волосам, которые снова ложатся идеальным срезом.

– Спасибо, пока еще привыкаю.

– Тебе идет, – подмечает Тесса и тоже начинает перебирать вешалки.

Мы быстро подружились с тех пор, как я стала часто наведываться в ее магазин, который, похоже, процветает. Возможно, из-за небольшого вложения со стороны Братства. Но

Тесса об этом не упоминала, а даже если бы и заметила вскользь, то я бы не стала вмешиваться в эти дела. Мне не нужно доверие – довольно и знания, что ее бизнес процветает.

Я разглядываю многолюдный магазин, в котором несколько женщин снимают платья с разных вешалок.

– Похоже, дела идут хорошо.

– Ты даже не представляешь! Сколько удивительных перемен может произойти за год.

– О, охотно верю. И очень рада это слышать.

Тесса проводит пальцами по волосам, я хвалю ее платье. Она красивая, изящная блондинка с выразительными глазами. Мне в голову приходит идея... ну, точнее, я вспоминаю про Тайлера. На короткое мгновение я допускаю мысль стать сводницей, хоть и сержусь на него до сих пор. Но я всегда неровно дышала к Тайлеру, несмотря на его роль в случившемся. И меня продолжает терзать печаль, которую я видела в его глазах в тот день, когда мы навещали Дельфину. Сейчас ему гораздо легче, по крайней мере, мне так показалось при нашей последней встрече.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – спрашиваю я шепотом, и одна из выбирающих платье женщин на меня косится. Я подмигиваю ей, оценив осуждение в ее взгляде, причиной которому послужили, несомненно, мои недавние скандалы, и снова перевожу взгляд на Тессу.

– Нет, парня у меня нет, – отвечает она. – Да здесь и вы-

брать-то не из кого.

– У меня есть кое-кто на примете.

Она оживляется.

– Правда? Пожалуйста, скажи, что он не из местных.

– Местный, но несколько лет состоял на службе. Он немного старше тебя, так что вряд ли ты с ним знакома. Хороший парень.

– Да?

– Да, – киваю я.

– Что ж, тогда пришли его в магазин за платьем для его матери.

– Это я могу.

– А имя мне скажешь?

– Поверь, ты узнаешь его сразу, как увидишь. – Возможно, Тесса уже его видела – в конце концов, Тайлер – Монах. Впрочем, мне больше ничего не известно о делах Братства.

– Правда? Настолько сексуальный?

– Очень сексуальный.

– Буду на чеку.

Тесса смотрит на меня, а я снова принимаюсь перебирать платья.

– Я знаю эту улыбку. Для кого сегодня мы тебя одеваем?

Я достаю платье и прикладываю его к себе, смотря в отражение стоящего рядом высокого зеркала, прежде чем вернуться к подруге.

– Для меня.

– У меня как раз есть подходящее платье.

* * *

Я просыпаюсь от звона льда в стакане и слабых запахов джина, специй и кожи. Секунду спустя прикроватная лампа включается, и комната наполняется мягким желтым светом. На краю кровати сидит Тобиас, вторгаясь в мое личное пространство своим присутствием. Одетый в безукоризненный однобортный костюм, он рассматривает меня. В его глазах вспыхивают оранжево-золотистые огоньки. Тобиас срывает одеяло и видит мое новое обтягивающее платье, слегка обнажающее грудь. Сегодня вечером я потягивала виски, сидя без трусиков на одном из высоких табуретов Эдди. Всякий раз, как я захожу в его бар, он встречает меня уничижительным взглядом, но в обслуживании не отказывает. Да и я не скуплюсь на щедрые чаевые. Такое у нас негласное соглашение.

Оно сильно отличается от сделки с мужчиной, который сидит на краю кровати и смотрит на меня испепеляющим взглядом.

Прошло чуть больше недели с тех пор, как я переспала с Тобиасом. Сдуру я предположила, что раз прошло столько времени, то видела его тогда в последний раз.

Судя по его взгляду, я сильно ошибалась.

Лежа на животе и положив голову на подушку, я смотрю

на него.

Тобиас медленно поднимает руку и перебирает прядь моих подстриженных волос. Если раньше они ниспадали до талии, то теперь длиной чуть ниже плеч и блестят светлым и темным шоколадным цветом. Тобиас отпускает прядь, ведет ладонью по моей голой спине, накрывает ягодицы и, остановившись на бедре, сжимает его рукой.

– Трудный день?

– Ты не стала спать с ними. Почему? – Я прекрасно понимаю, о чем он. О моих свиданиях в баре. Я допускала мысль отдаться неизвестному человеку, чьего лица даже не запомню, чтобы попытаться стереть из памяти Тобиаса, стереть всех их. Но не смогла. Не из-за верности им, а потому что знала, это только унижит мое достоинство и я больше никогда не смогу смотреть в зеркало.

Вместо того чтобы встать к самому краю пропасти, я решила изо всех сил держаться за свои воспоминания о прошлом лете, проведенном с Шоном и Домиником. Помнить, что я была влюбленной девочкой и поделилась своим телом с мужчинами, которых сочла достойными. Мне до сих пор горько осознавать, что для меня это время имело большее значение, чем для них, но я предпочла сохранить самоуважение.

А вот в отношении Тобиаса у меня нет никаких убеждений. Он волк-одиночка. А я слишком хорошо знакома с выражением «волка не волнует мнение овечки».

Вот кем он меня считает. Добычей. Я – добыча, с которой можно поиграть. Новая игрушка, с которой можно скоротать время. Деловое решение.

Я буду играть роль кроткой овечки, чтобы он поверил в свою победу, но не стану поддерживать его суждения обо мне, как и не стану трахаться с незнакомыми мужчинами, чтобы доказать правоту Тобиаса. Во мне он больше не найдет удовлетворения.

Единственное, что я думаю о Тобиасе на данный момент: случившееся между нами – опасная ошибка.

Он смотрит на меня, выжидая, когда я отвечу на его вопрос, но ответом ему становится молчание, коим меня бесчисленное множество раз удостаивали он и его братья.

– Ты до сих пор веришь, что они вернуться?

Тобиас плавно переворачивает меня на спину, чтобы ему было удобнее касаться меня. Он проводит костяшками пальцев по моей груди, задержавшись на ней взглядом, а потом снова смотрит мне в глаза.

– Или ты ждешь меня?

– Тебя я презираю.

– Это ничего не значит. Ты могла пойти куда угодно. Однако ты решила забрести в бар, который принадлежит мне, чтобы доказать свою правоту.

– Возможно, тебе и было интересно узнавать обо мне всю подноготную, но мне плевать на тебя, кого ты там трахал на выпускном или какие бары тебе принадлежат. И уж тем бо-

лее меня не интересуют мотивы твоих поступков.

Рука Тобиаса замирает, и он в сдержанном удивлении приподнимает брови.

– А ты не в настроении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.